

СМЕНА

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП/б/ „ПРАВДА“

№ 11

НОЯБРЬ
1934

1 декабря 1934 г. в Ленинграде от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков), член Политбюро ЦК ВКП(б), член Президиума ЦИК СССР—товарищ Сергей Миронович КИРОВ

Траурная процессия на пути к Красной площади.

На снимке: товарищи Сталин, Ворошилов, Молотов, Калинин, Андреев несут урну с прахом С. М. Кирова.

Сообщение об убийстве товарища С. М. КИРОВА было получено во время верстки № 11 «Смелый».

Товарищи Сталин, Каганович и Ворошилов в почетном карауле у гроба С. М. Кирова.

Сергей Миронович КИРОВ

Нашу партию постигло большое несчастье. 1 декабря от руки злодей-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ КИРОВ. Не только для нас — его близких друзей и товарищей, но для всех знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товарища и друга, смерть КИРОВА является ничем невозвратимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ КИРОВ представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучшей теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу.

Товарищ КИРОВ работал в разных частях Союза ССР и во времена подполья и после Октябрьской революции — в Томске и Астрахани, во Владикавказе и Бaku — и всюду он высоко держал знамя партии и завоевывал для дела партии миллионы трудящихся своей неутомимой, энергичной и плодотворной работой революционером.

Последние девять лет товарищ КИРОВ руководил организацией нашей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком сюрбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии более подходящего руководителя для ра-

бочего класса Ленинграда, так умело спявшего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии. Он создал во всей Ленинградской организации ту атмосферу большевистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу революции, коими отличался сам товарищ КИРОВ.

Ты был близок всем нам, т. КИРОВ, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Сергей!

И. Сталин, С. Орджоникидзе, В. Молотов, М. Калинин, К. Ворошилов, Л. Каганович, А. Яковлев, А. Андреев, В. Чубарь, А. Жданов, В. Кузьбисев, Я. Рудзутан, С. Носов, П. Постышев, Г. Петровский, А. Енукидзе, Ш. Ширятов, Ем. Ярославский, Н. Енуев.

БОЛЬШЕ ДЫШИТЕ

Рассказ

Все обстало просто. Надо было перелететь хребет, добраться до порта Кимры, завести тусклое, зеленноватое море, сплываться и увидеть павет капишну законности.

Они влетали днем. Воздух был чист. Машина шла ровно.

Но перед вечером, когда прошил бабыную часть пути, мотор начал давать перебои. Потом Степан почувствовал, что машина кренится на бок. Мотор смолк. В наклонившей тишине Кочура отчетливо услышал шестел ветвей. Рывком он заглянул машину, но она опять повернулась на бок и кривою, как неуравновешенной змеи, стала падать на землю. В этот короткий миг Степан успел увидеть лицо бортмеханика Сашко, обдало, младше змею кривла, глубокую синею неба, оторги гор и сосны, с непостижимой быстротой ладони наоструу...

Ему показалось, что он не лежал без чувств, что, как только машина коснулась земли, он упал на траву и сразу почувствовал эту инокую боль в левом плече. Но солнце уже зашло, небо темнее, и он догадался, что с момента влета прошла не одна минута. Не поднимая головы, надевкая от себя он увидел Сашко. Бортмеханик лежал вверх лицом, подоткнув одну ногу.

Было очень тихо. Оттуда доносилось истончившее журчанье ручья. Степан попробовал встать и не смог. Мутная тошнотворная тяжесть была в голове. Пересиливая железие закрыты глаза, отступил перед этой тяжестью и болью, он приподнялся на локте. Мгдливо он встал на колени, чувствуя, как бешено колотится сердце и кружится голова. Заровой рукой он ухватился за дерево и поднялся.

Машина лежала вверх крылом как подстреленная птица. Фюзеляж был смутно виден.

Машинило, еще не соизмыая все случившееся и почему-то не думая об аварии, он выбрал сухих веток и, чиркнув спичкой, зажег костер. Огонь разгорелся хорошо. Ветви потрескивали. Подул легкий ветер и, сдвиг взглядом за дымом, канувшимся восторну, Степан снова увидел лежащего на земле Сашко.

«Погби», — подумал Кочура, и острое чувство жалости кольнулось в нем.

Сашко Тертярвин был целеговатый, всегда податный, веселый и приятный парень. Его любили женщины, и часто, когда Степан приходил к нему на квартиру, Сашко высовывала журавную голову и лязгающим тоном говорила:

— Сауш... Ты, того, погуляй маалость. Теперь Сашко был недвижим, и в вечернем сумраке его лицо казалась маленьким и детским.

Прихрамывая, Степан подошел к машине и, положив руку на крыло, почувствовала холодную влажность металла. И только теперь, как будто это прикосновение возвращало ему сознание и память, он подумал об аварии.

«Сичит, раблалась», — подумал он. — А заднее?»

Он сузил руку в зарман и вытиснул коричневый продолговатый пакет, запечатанный сургучом.

...Степан Кочура первый год служил на Дальнем Востоке.

Крайняя печать была смита, вероятно, при ласки. Сургуч крохался и падал на землю мелкими красноватыми комками.

Степан вспомнил, как перед отлетом командир звена отечски посмотрел на него и сказал:

— Ты, Степа, поберегись. — не ровен час, что случится: тайга; охлю савью, Дальний Восток. А пакет важный. Его надо доставить срочно.

И, видя, что Кочура улыбухулся, командир добавил:

— Я знаю, что, летить не впервой. На всякий случай...

Но сестинку Кочура установила, что до порта осталось семидесят километров. Машина упала недалеко от хребта. До него оставалось километров пятьдесят, но был виден сейчас сквозь чистый вечерний воздух.

Степан ясно соображал, что его врал ли скоро найдут. Машина аскала в лесу, заширенная от взглядов с воздуха пышной зеленою сосен. Конечно, он может давать дымовые сигналы. Но когда вылетит на поиски? Через несколько дней? А пакет? Конечно, надо идти.

Кочура старался вспомнить путь до порта, тайгу, над которой он столько раз пролетал, огромный хребет, долину, заросшую зубчатими (такими они казались с воздуха) соснами.

— Конечно, надо идти... Ити, как только рассвет.

Он подкнул к костру и подкинул в огонь хвороста.

«Сичик? Надо бегать спички», — подумал он и спрятал ореху в боковой карман френча.

Журиане напоминало ему о жажде.

о Дальнем Востоке

Ручей тек недалеко, выливаясь из-под земли. Кочура вылезал и с наслаждением умла лицо холодной влажной водой. Заровой рукой он смочил плечо, немше от острой, стремляющей боли. Потом устроил на траве и веток подобие постели и лег у костра.

Несмотря на усталость он долго не мог уснуть. Ночь шла над лесом, отдала-то из-за хребта, воздух темнел, словно синее море выгорало из берегов и затопило небо.

Ночью ему приснилось, что он плавает в море. Вода рабывалась о нос долки, кропмил лицо тяжелыми брызгами. Море шумело тревожно и монотонно. Он пронулся от холода. Шел дождь.

«Сичик», — сразу вспомнил Кочура и сузил руку в карман. Он вынул пакет, смалую коробку. Дождь проник сквозь толкое сукуо френча. Кочура спрятал коробку под рубашку, и теплому телу.

Только утро, когда дождь прошел, Степан согрелся и закурил железкам и тревожным сном. Когда он проснулся, трава уже просохла. Солнце стало высоко. Воздух был влажный и теплый.

Бортмеханик уже темнел. Лицо его заострилось, и хотя в нем как ривей корини плавало солнце, было жарко. Кочура почувствовала, как тинет от Солнца испривитым холодом. Степан подтащил его поближе к машине и прикрыл сосновыми ветвями.

Синее было не больше десятия. Он чиркнул оленей. Головка спички осмалась.

С тем же результатом он чиркал спички одна за другой.

Три спички он все-таки оставил. Была самая надежда на то, что спички еще выгорят. Он завернул наваленую в машине бумагу в бумагу. Крошка хлеба упала на землю. Он бережно ее поднял.

Потом еще раз посмотрел на сосны, на холодный немел костер, на толкое тело Тертярвина, солонные брызги, аскающую на земле машину.

«Всё», — подумал он и пошел навстречу заблуту.

Утро следующего дня застало Кочуру у ручья, за тридцать километров от места аварии. Отсюда начинался хребет. Он стоил перед Кочурой, огромный и, казалось, недоегаемый. Выгоревшие на солнце камни вылились громадами. Кое-где зеленели дивий орехник, чудом выросший на этой суровой почве.

Проснувшись, Кочура почувствовала, что ему жарко. Обильный пот струился по его телу.

«Джоркавала», — догадался он.

Черная из ручья колдуит влажную воду, он умался, освещил лицо. Потом, медленно, промывшая влажную кроху, боа частью бужа. Лесое раслуало все сильней. Рывак инджда казался узким.

Степан попробовал снять пиджак, но левая рука не подымалась. Он резко рывнул пиджак, и пласмо потчече же отлетело острой, стремляющей бо-

...Машина лежала вверх крылом, как подстреленная птица.

лю. Тогда Степан распорол шов рукава и обмыл холодной водой руку.

После ливневых камней, порывившей от грома, градом. Он ступил на первый камень и, сделався здоровой рукой, половил ветру, чувствуя как выхватывает в волости острые углы камней. Переваливая горы, Степан, задыхаясь, сел и оглянулся.

Долина лежала перед ним. Он прошепел ее вчерашнее, но только отсюда, с этих камней, он разгадал суровую, нетронутую красоту. С юга по синему и синевато-голубому меланжу шло белесое облачко, и Степану показалось, что оно застрянет в вершинах деревьев — так были высоко вековые сосны. Длиней орешки лютаясь меж соснами, серебристая листва рунча как змивинна сверкала на зелени.

И как будто эти сосны и облака придали ему бодрость. Невыдавая пера в свои овалы вливалась в нем: он жив, он может идти по хребту, аисты камни, неслетая плавными, вдыхать запахи ветра. Он даже пошел: конечно, он дойдет, одолеет хребет!

Сопутник, Кочура пошел в гору. Идти было легко. Громыд камнями виднелась далеко впереди.

Но перед вечером лихорадка свалила его у подножия второй каменной гряды. Ему было холодно, и только в плече он чувствовал жар — расклевывало дыхание болезнью. Он не мог думать. Вечер доносился до него неслышными шорохами. Звезды были холодными и далекими.

На рассвете Кочура карабкался по ребру горы, поскрежетней и распустив. Гулаха тишина стояла вокруг, словно все принимало в обаянии лозового рожденья: это был, и только после, осмыслившийся под ногами, шаруша это молчанье. Пройдя несколько шагов, он вдруг замечает: «Транквило найдем коробку и чирякул спичкой. Фосфор осыпался. Нетуда. Он взял другую спичку. Осторожно пролез головкой спички по борозке. Всплывающий рыбий синеватый оттенок. Он подождал, пока огонек разгорится, и с бывшим сердцем подожер траву. Он замечался: дым пошел в мгнотие, но как слабое бледное: вот ласкал! Степан грек ружь, чувствуя, как исчерпает огонь. Отсюда плавно набрасывался на ветви. Кавалось, он подкарауливается в хворосту как большая рыжая кошка. Ветра не было, и дым поднимался высоко в небо.

Дремота легкими шагами подползала к нему. Он вытупился у юстра и впервые за эти три дня заснул крепким, бездумным сном.

Солнце уже стояло высоко, когда он проснулся. Костер догорал. Кочура сел чащу булки и снова пошел вперед.

Как тяжело он отошел от юстра, лихорадка опять наступила его. Огромная усталость окутала тело. Напрягая все силы, он двигался вперед. Он шел медленно, спотыкаясь о камни. Иногда он падал, катаясь вниз по горе. Ему казалось, что он не встанет, — так велико было желание лечь и отжаться забвению. Но острая боль в плече подымала его, и он опять пошел, целясь за выступом бурной каменной.

Ночью он свалился под скалой, изнутри которой было и подюмом. Высоко над горой он увидел месшу, пробирающийся меж облаков. Гле-то внутри Кочура горело. Ему заволокло злит. Казалось, что рядом журчит ручей и струится прохладная вода. В безмятежии он пошел по горе, но вдалеке его рука затряслась только на камне.

Утром он сел патулю, последнюю часть булки. Было, без всякого аппетита. Взглянув на свои пальцы, он испугался: они были разбиты и окровавлены.

Озвять началось мучительный подъем. До вершины было уже недалеко, но путь к ней преграждали скалы. Они высклались бурными, непрестанными выступами. Он пошел вдоль них, выискивая наилучшее для подъема место.

В полдень лихорадка вернулась. Кочура лежал на выростной скале и трясся в ознобе. Несколько раз он вынырнул из кармана спичку, чтобы зажечь костер. Но какой-то толстый подкарауливала, что будет еще трудней и тогда синичка понадо-

бится еще больше. И он снова опустил коробку в карман.

Лихорадка трясла его. Кочура ощущал телую завинчивающую боль, будто в голове гуляли, не переставая, телеграфные проводки. Он двигался очень медленно, держа за камни ослабевшим рукавом. Пройдя несколько шагов, он ложился и закрывал глаза.

Восхождение продолжалось уже три дня.

Бузудни в одиночку, он прошел бы этот титанический путь в один день, но теперь он передался тью, Кавалось, он всегда, во всяком будет брести по камням хребту. Он поднимал голову и видел перед собой повороченную бурью, суровые камни.

К вечеру на третий день Кочура увидел перед собой безбрежную серую равнину. Он догадался, что это — море. Низко, над его головой, плавали ударились распрятанные облака. Красный шар солнца опустился в воду.

Он решил сейчас же идти вниз, хотя было уже темно. И снова он пошел, сас передатная нога.

Слушаться было легче. Теперь ему нужно было удерживать свое тело, стремительно несущееся вниз. Он выткнулся вперед правую ногу, нахолода точку опоры и потом спускался, целясь рукой за камень. Ему придавало силы сознание, что главный шаг приближает его все ближе к морю. Вера в жизнь всплывала в нем как песок.

Утром он уловил какой-то звук, покойный на качающие рунчи. Он бегом бегом не могло — это ронота вдалеке мотор! Над горой, в синеве утреннего неба, кружилась сверкающая на солнце самолет.

— Идут!

Вот когда ему пригодился спичка! Пригодился дымовой сигнал! Он опустился с сосны и начал собирать хворост. Грудящийся рунчи вынул из кармана коробку. Спичка лежала там, черная фосфором головкой. Осторожно он приставил спичку к коробке и чирякул. Фосфор сменился.

Кочура повернулся и побискал в горе. Самолет мог пролететь над лесом и не заметить его свавоз густую дымовую осеи. Тогда, в горе, не толкое место!

Он бежал, забыв боль, стиснув зубы, слушая тревожное бичение сердца. Он весь напрягался, охваченный одной мыслью — добегать до горы. Две порелстнившиеся ветви своим стояли на его пути. Кочура спотыкался об их толстые корни и упал. Великое безразличие овладело им: он склепнул но он снова поднимался и, спотыкаясь, пошел к горе. Сердце его билось прерывисто. Он шел медленно, держась за деревья, не отрывая взора от неба, где, ронка, кружилась блестящая металлическая птица.

Утром его выжили вышедшие на охоту крестьяне. Люди долго смотрели на распущенные, заросшие щетиной лицо, равный френч и сапоги, на которых высидывались пальцы.

«Мертвый», — подумали они и осторожно позвала отставать.

Но, оглушившись, один из них увидел, что человек приподнимается на локте. Тогда они бросились к нему и взяли слово стиснутые зубы вводу.

— В порт, — сказал человек и снова закрыл глаза.

Он очутился на баке.

Летчик Петрушинский молча сидел около него. Кочура снова закрыл глаза, думая, что это бред. Но Петрушинский потрог его за руку, и жуткая боль в плече сказала Кочуре, что это не лихорадка.

— Сашко, — сказал он, посмотрев на Петрушинского. — Там, около горы, разбился Савно...

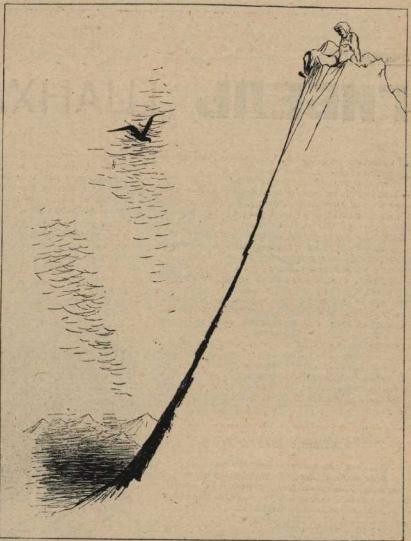
Он откинулся на подушку. Крутая скала вынырнула из его плеча. Она пошла медленно, превращаясь в свавоз щетины бором.

— Ну-ну! — смущенно сказала Петрушинский и лоченной нача выхватывать в его рот.

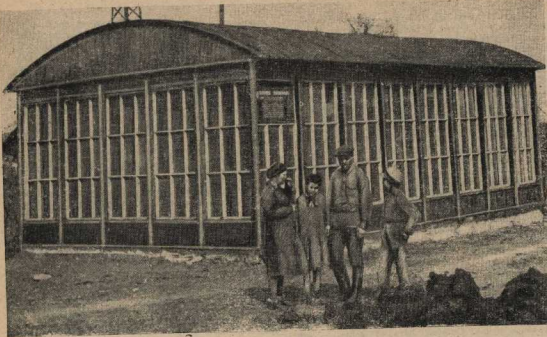
Загудела мотор самолета. Кочура взглянула в окно и увидела пробирающийся меж сосен утро и край голубого моря.

Рось здоровой рукой в кармане, он надувала конверт и сказала:

— Вот... перепадет на канонерку...

...К вечеру третьего дня Кочура увидел перед собой безбрежную серую равнину. Он догадался, что это — море.

„Глиняная прогнившая хибарка заключена под стеклянный колпак над музейной достопримечательностью.“

А. КРОНГАУЗ

ГИБЕЛЬ ШАНХАЯ

С «Шанхая» надо начать, ибо жертва его жизни и радости гибель неповторима.

«Шанхай» больше не существует. Трагическая легенда о шахтерской жизни приводит многих любознательных людей на место бывшего города шахтеров — на Собачку, в прославленный городской «Шанхай».

Горняки видят здесь галдеж цементный тротуар, толпы колоном и электрическими фонарями автотур, небольшие дома, окруженные легкой зеленью, и надо всем — величавый турник шахты и башенные стрелы подвешенных на высокой установке.

И только слева, на причисленном бугре, виднеется какая-то неопытная, невиданная постройка, сверкающая под ярким солнцем словно горный хрусталь.

Вблизи она выглядит столь же неожиданно, как и издали; это — стеклянное здание, защищенное от непогоды полуокружной крышей.

В первое мгновение ничего нельзя разглядеть за толстыми стеклами; на светлом из фоне отчетливо выделяется эластичный блеск небольшой стеклянной дошки.

НИЛИЦЕ ШАХТЕРА.

Отпавши архитектуры старой Горловки. Вось послыши „Шанхай“ предвещая зрелищ, эластичный лабиринт теней стрелной, е колорит колыхало шахтеры и их семьи, беспощадно вползающему, нилитизмизми.

Нужел об этом самом прозрачном здании говорить ядильки? Но за блеском и стеклом внутри алурного строения возникает как грозное воспоминание гашных хибарок, прятая обрываются толл и пыламы кусками дера.

Кривые подпорки едва удерживают жалкую постройку от крушения, черная выщербленная поверхность высоко в труба тучицикает жалое логово. Вглубине видна внутренность шахтерского жилища.

Там властвуют сырость, мрак и тишина. Здесь яла когда-то шахтер Небогатиши с семьей. В свободное солнечное часм от нилота приходит сюда с женой, дочерью и сыном; они разглядывают белое свое жилище, ставшее музейной достопримечательностью... Сметавое марезо дульных испарений и пылам

превращало Собачку—«Шанхай»—в худшую трущобу мира. Шахтеры возвращались сюда из глубокие забойи и почти не ощущая разницы между шахтой и домом: та же полутьма, та же духота, та же пыль, и только дома было больше широта чем в угловых лабиринтах.

Когда ночь окутывала над «Шанхем», со всех сторон эдажались мутные огни, трельюный шум прилетал отовсюду, приглушенные и заунывные песни возникали где-то под землей и, прорвав преграды, разносились по кривым углам.

С тиним треском рушились чухлые стены собачевской архитектуры...

Изерде острый вошл валетал над землянками и угасаа в насторженной тишине.

Ночная жизнь с пынством, картонной игрой и пошловонной рассталаа над людьми свои края.

А в глубине землянок — по два, по три семейства в калдой — тяжело дышали люди, расчесывая искусанные тела...

И немилосердно было изменить жизнь людей, не разрушив старото мира землянок и пещер «Шанхая».

Но разрушить этот старый мир можно было только после того, как будет построен мир новый, светлых и обширных домов...

Сотни рабочих пришли тогда к убогим улицам Собачки.

Вслед за людьми, сдержанно идя, подкатили автомобили. Впереди стали грузовики; легкие остались останками немного подала.

Сотрлса стены и ломая гашиную обшивку, поволами на землянок тяжелее веди. Остаткине люди покидали поаты на пыльной земле неуложимым шкамам, чуженым кроватям и дубовым стульям, наломанным разладью.

Многие из вещей не могли выдержать движения и рассыпались; другие обнаружидли под ярким солнцем убожество свое и чуждость и были брошены валадылами у входа в землянки.

Вверх по улице уходили все новые грузовики с «шанхайскими» вещами, всад за ними летела форма уловым валадылами веди; их становилось все меньше и меньше у нестеж раскрытых землянок, а толпа становилась все более густой.

Новые сотни людей с песлями и огненными флагами с разных сторон, и было удивительно видеть торжественное и нарядное шествие у разоренных вмятку, постранных калитницами для рабочих.

Некоторые шахтеры не хотели покидать своих землянок.

Десятками полутым причудли их боится яркого света. Люди призывали находиться с другой землй мал под землей и страшлись второго и третьего этажей...

Когда последний жилец «Шанхая» оставил свое старое логово в большом, ярко освещенном комнате нового дома, над «Шанхем» авлялось белое, гудящее пламя. Оно гудело все слышней и слышней. Черный дым попла на Горловую авкунтину яротом...

С тиним треском рушилась чухлые стены собачевской архитектуры... Повак авзавтывала все новые и новые машины — и к ночи толпы гудящих савидных углей напоминали, что здесь еще гудит тала живая.

Там удержив Горловки светили собачевский «Шанхай»—капиталистический город ярма, смарда и туберкулеза.

Среди исторических дел городского горювета и коммунистов Горловки, руковоленных авкунтинским буржуазным Фурором, — это одно из самых прекрасных и вдовольных дел. Из завнувшего углей, Российской империи, покрытого саею, угольной пылаю и руинами, где живы трупотом человека была страшина и нелета. Горюлка превратилась в молодой сад.

Меж деревьев и кумб, меж колами и электрических фонарей проложены отличные дороги и тротуары, автотом блещит по вечерам своим ревом.

Ноги и козеса не толут больше в авинных пылам и ядильной грази.

В шахтах и на заводах Горловки работают тысячи молодых людей, для которых прекрасные авкунты обладаны и индустриальными. Эти люди никогда не видели старой Горюлки. Человека, раставшего с ней хотя бы пять—шесть лет назад, поразит и восхитит богатейшие изменения, превратившие беспорядочный поселок в передовую рабочий город, авкунтный в стране.

Начат осмотр города можно с любой стороны... Поезд остановилась у асфальтового перрона, громадулам ширине двери авозла, и светлый ресторан с асфальтовыми столками, с огромным количеством авкуном на стеклянной стойке, с вышитыми скатертями и стрелитальными официантами авзывает авкунтить о бльям «удобства», когда приходится доставят предсавотритальную принадлежность бутерброд из кармана и закусьвать приосновившись к стене.

Гашивейшей травмой пронсват людей много изданных и благоустроенных павальनों на останках. Гашивейшей стрелой двонит чередуется в их архитектура с руинами стеклянными молосами. Пас-салярия здесь не обрывает монуть под дождем и бороться с пылавым ветром, доживавсь нужного авгона. Хорошо отпловившие слыны находятся внутри авкунтного здания, доступного сету и свежому авдулу.

На смету тротуриным авкумам, построенным в стиле Собачки, пришла прекрасно выстроенный

И немислимо было изменить жизнь людей, не разрушив землянок и пещер «Шанхая».

универсал, напоминающий лучшие стальные магавины.

Огромные дома с шеренгами балконов расположились в равных районах Горловки. Напряженное строительство и тщательная обстановка новых зданий напоминают о том, что люди здесь продолжают двигаться вперед, к ясной цели.

Недалеко от домов городского типа, выстроенных для рабочих и инженерно-технических работников, в садовом саду, у колодезя, возникает и возникают небольшие уютные коттеджи, украшенные выходящими растениями, зацвевшими пресвоскодами, ярко расцвеченными палисадниками.

На глубоких днах Дворца культуры отдыхают шахтеры. Громкая хоровая песня разливается по обширным коридорам дворца. Лучшая кинокартина идет здесь сегодня в огромном зале, окруженном барельефами.

Нежданная в истории сухопутного Донбасса водная станция вздымает свои мачты и вышки над прозрачной водой. С верхних площадок свалют сложенные ласточки палочки; легкие речная флотилия промчат мимо зеленого берега и пришвартовывается к подвинутой спортивной пристани...

Звонят прекрасные самолеты, блиста серебром, подвешенные над городскими вертолетом. Машина «У-2», управляемая молодым шахтером, летает над Домом советов боевой разворот, и самолет, послушный рулю высоты, с громом устремляется в вышину.

Но все еще здесь построено, освоено и отдано, но все еще чисто и украшено цветами, много еще вдале трудиться, чистить, строить, изобретать и озеленять. Но горловцы преодолевали главные препятствия — и в этом радость и большая надежда.

Александр Артохов, слесарь и комсомолец первой шахты, и тезка его Саша Степаненко, тоже комсомолец, орденосец и рекордный забойщик, оказались лучшей командой Фурера — руководителя большевистской Горловки. Они вели за собой сотни молодых рабочих. Благостные тротуары проложили им; множество молодых деревьев и цветов расцвело под их заботливыми руками. Вместе с лучшими рабочими Горловки первые комсомольцы прошли весь фронт борьбы — от «Шанхая» до дворов культуры. Они подливали прокладку Собачуку и переносили шахтеров в новые дома. Они садили цветы в горшки, на машинно-строительном заводе и у входа в черные шахты...

Когда шахтеры попали в комнаты, где господствовали шовинизм и эгоистичность, они увидели вековую плать, что влася в их тела. Они заметили грязные тряпки и амамузу ружья, засоряющую их жилища.

В полутьме землянок никто не обращал на это внимания. Сумрак гнал злых и превращал серый свет в белый. А здесь все было ясно до предела. Грязь неотступно попадала на глаза. Грязная шва и пыльные волосы не давали покоя.

И люди стали освобождаться от гнилого тряпка, мыться горячей водой и натирать на свои подушки белым навозом.

Дмитрий Михеев, тридцатилетний бурьяндяк первой шахты, получал в четырехэтажном доме Б-2 квартиру из двух комнат.

До этого он семь лет жил в землянке «Шанхая».

У него — двадцатипятилетняя жена и сын семи лет. Завота их о чистоте и уюте беспокоит и трогательная.

Небольшой стол покрыт очень белой скатертью. Цветы на подоконнике полны и поставлены на чистую тарелку. Постель накрыта белым покрывалом. Большой деревянный сундук вновь отполирован.

Жители «Шанхая» переехали в выстроены для них дома.

Рядом, в квартире шахтера Ивана Шатковского, значительно беспорядочнее и грязнее. Он живет не жил в «Шанхая».

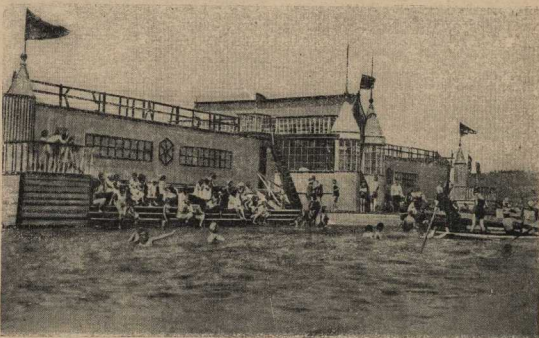
Дмитрий Михеев — один из тысяч рядовых шахтеров. Бывший трудобийный жилец, он почувствовал сейчас вкус к жизни; он не видел ничего сквозь закопченные стеклашки своей землянки. Сейчас окна его чисто вымыты и он невольно замечает, что перед домом — пустая серая площадка. Он знает, что у входа в его шахту расположились на клумбах замечательные цветы; они провозжат его по дороге домой; они встречают его у небольшого дома товарища по работе. И цветы становятся необходимостью для Михеева. Он ставит вопрос об озеленении площадки перед его квартирой. Он критикует произве-

ние дома за неповоротливость и предлагает по-мочь озеленению силами своей семьи.

Не дожидаясь, пока вырастут под его окнами цветы и деревья, он покупает и ставит цветы на балконе своей стая и на подоконники.

Он не выносит теперь треснувшего стекла в своем окне, не хочет торчать трещиной в оконной раме и не упреждает до тех пор, пока окна не будут исправлены.

С детства привыкший к тесным лучам, завалившим всяким кламом, он не может теперь обойтись без солнца, без погребя, без помещения для кур и поросат. И он знает, что люди, сумевшие уничтожить горловский «Шанхая», помогут ему побороть и эти мелкие препятствия на пути к полноценной благополучной творческой жизни.

Нежданная в истории Донбасса водная станция вздымает свои мачты и вышки над прозрачной водой.

...Возникли небольшие уютные коттеджи, защищенные ярко расцвеченными палисадниками.

В Л А С Т Н Ы И Х А Р А К Т Е Р

Е. П. КОЛЕСНИКОВА.

Каждый год—вот уже десять лет—с приближением ноябрьского праздника Колесникова пятатся составив короткий конспект воспоминаний. В предвздрачной суматохе ей это не удается. Едва успеешь переодеться, взглянуть на себя в зеркало,—и вот уже торжественный вечер, звонит председателеский колокозвоник, и надо выдвигаться на сцену. Заа становится огромным и тихим...

На заводе «Каучук» она уже двадцать второй год. Она работала на нем, когда завод был еще в Риге, в частных руках. Она осталась на заводе после эвакуации в Москву. Она содружилась с ним навсегда. Ей есть о чем рассказать молодым: о баррикадах на Зубовском бульваре, о курсах ярского крестьян на заводе, об Асине Касперович, о первом замке...

Колесниковой было восемнадцать лет, когда началась война. Завод принадлежал Тимолеу. В Гагенсберге, в рабочем предместье Риги, было в то время много предприятий: южная, замучная, проволочная фабрика, завод «Этиа», завод «Каучук». Проволочная фабрика Тимолеа была передовой.

— Тимолеа занулся,—говорили в Гагенсберге, и рабочие всех предприятий выхаживали на улицу. На улице власть устанавливали казачьи шкеты.

Главные события в Гагенсберге происходили обидно на одном из людских предместий, который заросто назывался «Кутуго». На «Кутуго» были две пивных, винная лава, парикмахерская.

— Пойдем на «Кутуго», послушаем новости,—говорили рабочие по вечерам и уходили на дому.

В одной из пивных на «Кутуго», в задней комнате, шла собрания. Это Колесникова хорошо знала. Однажды из оива пивной кто-то шамрыла бутылкой в просяжающий казачий патруль. Рослый казак медленно подошел к сидла под коня. Казаки выткнулись ценою и начали обстрел...

Это действовала власть, и именно казак с винтовой и нагайкой остался для Колесниковой олицетворением прежней власти...

Колесникову контролировали в райсовете вместо одного инженера. Депутат-инженер оказался вредителем. Колесникову освободили от работы в цеху. Она не знала, с чего начать. Ей сказали: «Нужно проверить выдчу заборных книжек». Она проверила. С ней в бригаде работало на проверке 45 человек. Ей сказали: «Нужно достать для ремонта детского сада три пуда известия». Она достала. Она привезла в детский сад полторы тонны мела, двести килограммов омиры, три пуда известия, три вана досок.

Ей показали пункт наказа: рабочие требовали, чтобы на «Кутуго Увеческой» и Обалского стола милиционер. Она пошла в райсовет, в милицию, потворная в одном месте, в другом. Через несколько дней, идя на завод, она увидела милиционера на передержке и улаживала ему как добрую знакомую.

Ощущение власти—се восьмидесяти, асметуества—появилась в начале как исполнение желания.

Ей очень хотелось, например, чтобы большие рабочие завода «Каучук» имели особое питание. Она

спорила о чисах пайков, и вот на заводе двадцать шесть специальных обелов для туберкулезных. Именно двадцать шесть, а не двадцать, как предлагали в райздравотделе.

Жилание одной Колесниковой славилось с жилищными тудия. Все это вместе называлось наказом и выполнением наказа.

Ей хотелось, чтобы Увеческу звалили асфальтом, и это было сделано.

Та страстность, с которой она выполняла пункты депутатского наказа, увлекала других: за три года число секционеров на заводе выросло с 30 до 170. Кроме того, появилась актив, работающий по заданию депутатской группы. Председательницей группы была Колесникова. Выдвигая на рассмотрение, проверяла ли кооперативной сети, полился ли на заем—у Колесниковой всегда была наготове бригада.

— Мы отвечаем за все,—говорила Колесникова своим активистам,—за обладание автобусов, за ход в бане, за сохранность импортной оборудована.

Когда вылишь хорошую работу,—всегда оставаться в стороне. Так выткнулся в работу своего Морозов.

Колесникова предложила ему стать секционером Морозов вамаха руками:

— Разве я смор? Ты мне поручишь дрякябаб востроить—улы у тебя лужит в наказе,—я не сморгу. У меня ноги слабые.

Но он ввязался за склад готовой продукции. Заказчики задерживали приемку товара, склад был переполнен, создавались трудности. Морозов пла и завкачиком, выходя самого обидного человека и добавлял от него обязательства о выводе. Он умел говорить с людьми. Его стариковский авторитет действовал неотразимо.

О Колесниковой говорит на заводе в шутку: «взвастый характер».

Но есть правда в этих словах. Действительно, нет на свете власти более сильной, чем власть Колесниковой и миллионов советских избирателей.

Эта власть преобразует мир.

Москва задыхается без метрополитена. Петров бьет сына ремнем. Стране угрожает враг.

Поворачиваются рычаги власти. Хлопочет Колесникова. И вот к их переформат под Москвой предисло 11,9 километра туннеля, и не один Петров, а 43 родителя привлечены к ответственности за набор детей в одном только Фрунзенском районе, и в одном только Фрунзенском районе появилось 4300 дошкольных строений.

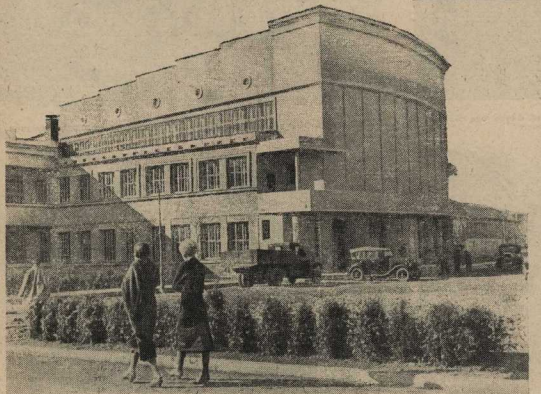
У Веры Крыловой отец пивная. Крылова приходит к Колесниковой.

— Мой отец вакозали,—говорит она,—дебошир... Развратит подруг. Мешает жить соседям.

Колесникова спешит в райсовет: «Что делать? Ей дают телефон райпрокура: «Что делать? Цирюку приволает ее в жаркодушский. Там назначат пивную.

Весь день одна отчетливая мысль: как управиться с нашим хозяйством? Ведь и аши и восемнадцатый тысяч киричней на заднем дворе завода, и аш сад имени Магдальниты, и аши и «воронкозские строки», и аш яркий свет в важдом переулке.

ФОТО О. ИГНАТОВИЧ

Постоянная строительная выставка в Москве.

Одно из новых зданий выстроенных во Фрунзенском районе, где Колесникова состоит членом райсовета.

КРЕПОСТЬ

Оборонный поход им,

В Калининском совхозе выстроили отличную парашютную вышку.

Начполит Никифоров своей энергией увлек рабочих и колхозников.

Недалеко от толстовской Ясной поляны, окруженной яблонными садами, в нескольких десятках минут от косогорских доменных печей, находится Калининский свеклосовхоз.

Ажурная парашютная вышка вадмается над корнями зданиями совхоза. Сейчас она стала привычной и обыденной, но с великим удивлением рассматривали ее колхозники и рабочие в первые дни ее существования. Из пятисот человек, что присутствовали на открытии вышки, ни один не захотел прыгать с парашютом. Начполит Никифоров отстал несколько секундней и поглядывал на парашют.

Молчание окружало его со всех сторон. Неожиданно для всех к лестнице вышки подошла Маруся Маревич. Она быстро поднялась вверх, и в ту же секунду блестящий купол парашюта ринулся вниз. Напружинив ноги, парашютистка коснулась земли.

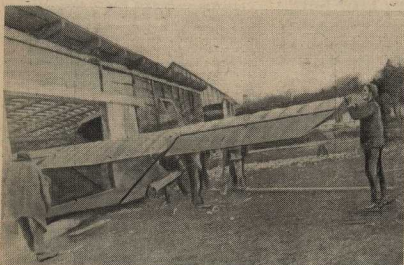
Тревога и недоумение расселись. Огромная очередь желающих прыгать выстроилась подле вышки. Это было началом строительства крепости обороны.

За вышкой появились в совхозе планеры и авиомодельная мастерская Осоавиахима. Загремел над совхозом мотор учебного самолета тульского аэродроба.

Ударники совхоза прошли путь стрелкового дела от индийского лука до боевой трехлинейной винтовки.

Когда мыши и бабочки пародии в наступление на хлебы и свекловичные поля совхоза, ребята вышли из лабораторий, одели противогазы и истребили вредителей без остатка.

На свеклах и беггах, в техникумбате Дома обороны, на телефонной станции и в питомнике немецких овчарок—всюду ковалась свеклохозяйственная и оборонная мощь Калининского совхоза.

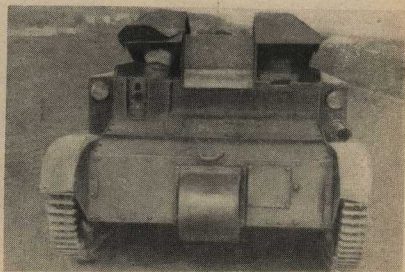
Тремя планерами распорядается летная группа совхоза. Скоро она получает в полное свое распоряжение самолет.

Б Патруль ОсоБоймал банду расхитителей хлеба, руководимую кулаком Евдокимовым.

Комсорг Лиллина одает нормы на „воршиловского стрелка“.

И призыву в Красную армию совхоз подготовил танкистов.

ОБОРОНЫ

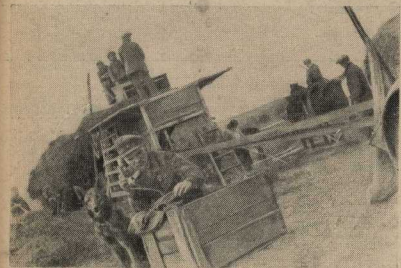
VII всесоюзного съезда советов

Овчарки собственного питомника охраняют социалистическую собственность.

Школьники Аевцев и Ниолюнский—лучшие авиамоделлисты совхоза.

Активист ОСО Елифанов привел свою воспитанницу для охраны зерна у молотилки.

Отличные анализы почв были получены химлабораторией совхоза.

Слесарь Тихин прошел курс «плавкритики» в совхозе — и передал в летную школу.

Боевая четкость работы калининцев в мирной обстановке подняла совхоз на большую высоту. Эта четкость пригодится совхозам в тревожную минуту, когда враги советов зажгут фугасы войны.

Коммунисты и комсомольцы, политотдел совхоза и его начальник Никифоров научились работать живо и увлеченно. Совхозный Осоавиахим показал отличные образцы работы и стал инициатором Всесоюзного оборонного похода им. VII съезда советов. Равнения на Калининский совхоз!

Маруся Назарова—активистка химотряда.

Конь «Удалой» взял первое место на межрайонных скачках.

Караван идет через барханы...

Г. КРЕЙТНЕР

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В ЮЖНОЙ АРАВИИ

Иемен — формально независимое, а по существу полукOLONиальное государство в югозападном углу Аравии. По форме правления — монархия. Духовным и светским главой государства является правитель Имам Язид. Страна не доросла до капитализма. В ней сохранились целиком феодальные общественные отношения. 85% населения ведут оседлый образ жизни, а 15% — кочевой. Промышленности нет никакой. В начале мировой войны Иемен боролся с Англией, отстаивая свою независимость. Так как эта борьба была направлена против империализма, она носила национально-революционный характер.

Иемен не допускает к себе иностранцев, за немногими исключениями. До 1934 г. он имел договоры только с Италией (1926 г.) и с СССР (1928 г.). СССР поддерживает с Иеменом торговые отношения.

В 1934 г. между Иеменом и соседним феодальным государством Саудией происходила война, кончившаяся победой Саудии. Война вспыхнула из-за территориальных споров, но обе стороны были спровоцированы и войной Италией и Англией. Для Англии захватление Иемена важно потому, что мимо Иемена проходит великий имперский стратегический путь на Великобританию в Индию. Поэтому-то Англия и борется с Италией, но желая пускать ее и другие державы в Аравию.

Война расшатала феодальные устои Иемена. По стране прокатились восстания против Язида. Многие племена перешли на сторону Саудии. Напуганные революционным, антифеодальным движением, именованное Иеменом ухудшилось, а влияние Англии выросло.

Печатаемый очерк представляет собой отрывок из путевых набросков бывшего сотрудника советского торгового агентства в Иемене.

Декабрь 1931 г. Одесса. Холодно и ветрено. Пароход южноперсидской линии Совторгфлота отходит ночью. Через Черное, Мраморное, Эгейское, Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан и Персидский залив пароход будет идти один месяц.

На 14-й день пути я сойду с него в Аравию, почти в том месте, где Красное море, протиснувшись через узкую щель Бабельмандебского пролива, вливается в Аденский залив — начало Индийского океана.

На седьмые сутки подожди в Суиджоме наду, становится тепло. Стою в Порт-Савех у входа в канал. Сходить на берег не разрешено. Пароход наполнен юменскими и шипимами, набравшими из Белогвардейцев.

Стою с товарищем у борта и люблюю городом, провозвращая окрившим пассажирским пароходом (почти без пассажиров, впрочем, Красный). По тротуару забаррикады человек в форме египетского полицейского. Красная феска, мушкетерские сапожки. Он поднимает голову, смотрит на моего приятеля. Неестественная улыбка кривит его ли-

цо. Секунда колебания. Человек поворачивается, сходит обратно на берег. Внезапно обернувшись, он тронет кулаком и исчезает за углом. Товарищ не отрываясь следит за ним, крепко сжимая руками поручи.

Неожиданная встреча. В гражданскую войну приятель был командиром кавалерийского эскадрона. Как-то в крымской деревушке, ночью, во время разведки, он заглянул в плен белогвардейского офицера и несколько солдат. Застынутые врасплох, они сдались без сопротивления. Утром вся группа пленных была отправлена в тыл. Вернувшись через день с разведки, командир узнал, что пленные сумели бежать, разобрав веревку сарая. Через 11 лет он встретил этого офицера в полицейской форме в Порт-Савех.

Красное море. Становится жарко. Я в теплой шапке, зимнем пальто и шерстяном костюме. Короткая остановка в Стамбуле не дала мне возможности увидеть предвечное для трюмков платье. Пришлось париться еще несколько дней. Только в Массара, портовом городе итальянской колонии Эритрея, расположенном в Африке, на западном берегу Красного моря, я, наконец, при-

обретаю тропический вид: пробковый шлем, несомая сетка, белые брюки.

Налево, через четырнадцать дней морского путешествия, я в Халеиде. Здесь находится советское торговое агентство, в котором я буду работать.

Халеида — главный порт Иемена. Она расположена на изгибности. Вдоль всего восточного берега Красного моря на 60—100 км вглубь тянется прибрежная равнина, которая сменяется районом предгорий и гор. Этот гористый район чаще всего, не больше 150 км. За ним начинаются степи и пустыни. Иемен на юге граничит с Аденом, на северо-западе — с Асиром, на югозападе — с Хадромом, а на северо-востоке — с Саудией. Площадь Иемена — 130 тысяч кв. км. Население — 2 млн. чел.

Центр Аравии занят обширными степными плоскогорьями, орошаемыми цепями пустынь. Это плоскогорье — Неджда — родина мусульманской сунны халифатов, вождь которых, король Иби-Сауд, основал в послереволюционную эпоху, в результате феодальной войны, ряд более мелких государств в одно целое арабское государство Саудии...

носятся стадо газелей. Начинаются горы, Трава. Деревья. Автомобиль описывает бесконечные круги вокруг огромной горы, забираться все выше. Узкая тропинка, крутые обрывы. Быстро темнеет. На крутом коротком повороте арестуем в скалу. От толчка сбиваем аборд, и прямо надлеж колено повисает над пропастью. Успешно выскочить. Помыть протертую грязью соба. Разбить фары. Давать едем осторожно. К цели путешествия прибываем поздно ночью. Когда днем мы постоим в пропасть, то единственно решал дурацкий шепот на ухабах. Два километра высоты. Чудесный климат. Свежая, млочная вода, ветерок, зелень, умеренная температура. Горная часть юго-западной Аравии наиболее плодородна и густо заселена. Каждый клочок земли обработан. Широки поля не тер. Горы осыпают узкими террасами. Склон террас увлажнен камнем и имеет высоту до двух метров. Поражает тщательность обработки, исключительно ручной.

Корейные плантации. Зеленые деревья, орошаемые каналами. Сладкие фрукты. 37 сортов винограда.

Заключаем торговую сделку с купцом. Он крупный ферма и ростошиде. Вся округа в его руках. Часть земель он сдает в аренду. Он сам снабжает свой район товарами. Сбор налогов отдан ему на откуп.

Купец ходит к нам, окруженный свитой. Саури бросается ему в ноги и целует край платья. Продаем советский керосин, спички, мануфактуру. Выбито бесчисленное количество чашек кофе. Уростные споры. Наконец пишется договор. И в конце: «если бог будет угодно, я упаду следующему сумму. Ишхалла!» Это слово у каждого на устах. Оно означает все: и отрицание и утверждение одновременно.

«Завтра в 6 часов я приду к вам. Ишхалла!» «Рано через месяц деньги будут у вас. Ишхалла!» Все коммерческие обязательства сопровождаются не обязательством платить неустройку или отвечать перед судом, а ссылкой на божественную волю.

Религия пронизывает быт. Рамазан. Пост. Люди не едят в течение месяца по целым дням. В 12 часов ночи стреляет пушка — люди забрасываются на еду, обжаривая, получают бляжи желудка. Естественно, что размещается во время рамазана, — это жевать нет — наркотическое растение, в листьях которого имеется ювани. Обычно после обеда или вечером перед сном арабы жуют зеленые листья катя и глотают сок. Голова кружится. Человек обладает и знает в полусонное состояние. Через несколько часов дуриан проходит.

Кат исключительно вреден. Он не слишком дорог и доступен любому бедняку.

Дела в горах закончились. Спускаемся вниз за мулах и только в предгорьях пересядываемся на автомобиль. Едем на север Йемена, к границе его с Асиром.

Асир — маленький вилайет, находящийся под протекторатом Ион-Саува, король Саудия.

Останавливаемся в деревне на отдых. Глиняные мазанки без труб, открытые паломники, изгородь. Деревянные нары, два — три горшка — все внутреннее убранство. Смаглые, полуголые люди уживаются в кучебю. Они поживают там на приражках, распрямляют, обрабатывают за помощью. Крестьянин выводит толстую брешкообразную ногу. Усуслик змея. Успел распороть рану ножом, выпустить кровь. Все же останки да поддействовали.

Йеменская деревня не знает никакой медицины, кроме знахарской. 2—3 итальянских врача и 3 советских обслуживают сравнительно небольшой район — стоауду Йемена, город Сана.

Во время тряски по кочкам пустыня оторвалась последний запасный ящик бензина. Города Миди нет и нет.

Ясно, заблудились. Скоро стемнеет. Препятствую весьма неприятные. Бензину — на час пути. Выбираем наудачу направление, выливаем последнюю воду из фляжек в радиатор. Через час автомобиль застрял в километре от Миди. Выбрались.

Обратно в Ходейду возвращаемся берегом. Находимся на подгорной высоте безвысокой. Долгий час безмятежных солокозлов. Останавливаемся в Лохейе — центре ловли жемчуга. Посещаем крупнейшего торговца жемчугом. Он предлагает купить жемчуг. На величии сопоставимся покорно бутылочек с морской водой и мечочи. В бутылочках по сортам и размерам разложены жемчуг. В мешочках — жемчужный бисер. Показываем на жемчужную горюшку величину. «Сколько?»

«2 тысячи рупий». Рупия до ярваса стоила 70 копеек золотом. Теперь — 40 копеек. Итого 800 рублей золотом. «К совлажению»...

Купец показывал на шкатулку: «Здесь жемчуга на 1/2 миллиона рупий. Уже два года, как никто его не покупает».

Выходим на берег. Лодка с ловцами. Отъезжая от берега, толпы ловцов прыгают в воду с привязанным к поясу камнем и коромышкой. На дне они наизумленно собирают ракушки, затем пересортируют веревку от камня и всплывают. Высылая ракушки, ищет жемчуг. И так несколько часов. Ракушки ловцы сдают купцу. Тот дает ему питание и одежду. Ракушки вскрывают и отбирают жемчуг. Через несколько лет ловца — Ишхалла. На смену приходят новые, гоимные нужды.

Мы работа в Ходейде пережмались с поездками в горы. Через несколько месяцев я выехал в Одессу через Дредду и Стамбулу.

ЕВГЕНИЯ ЛЕМБЕРГ

ЖЕНЯ ЛЕМБЕРГ УМЕРЛА. ЭТИ СЛОВА ТРУДНО СОЧЕТАТЬ С ОБРАЗОМ ЖЕНИ. МЫ ВСЕ ПОМИМ ЕЕ ЖИВОЙ И ВЕСЕЛОЙ, С ФОТОАППАРАТОМ, ЛЕЙНА» ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО ПЛАЧУЩИ ФОТО-КОРРЕСПОНДЕНТОМ, «СМЕНУ» ЖЕНЯ РАБОТАЛА С БОЛЬШИМ УВЛЕЧЕНИЕМ. ОНА НЕ БОЯЛАСЬ САМЫХ ТРУДНЫХ ЗАДАНИЙ, ПРЕКРАСНЫМ ПРИМЕРОМ БОВОЙ РАБОТЫ СОВЕТСКОГО ЖУРНАЛИСТА ЯВЛЯЕТСЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЕЕ ПОЕЗДКА В САСОВСКИЙ РАЙОН. В СОВХОЗ ИМ. М. И. КАЛИНИНА. ФОТООЧЕРК ЖЕНИ ОБ ЭТОМ СОВХОЗЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ В ДАННОМ НОМЕРЕ. ВОТ ЧТО ПИШЕТ О НЕЙ НАПОЛИТОТ-ДЕЛА СОВХОЗА ТОВ. НИКИФОРОВ:

«НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОДРЯД ШЛА БОРЬБА С ПОЖАРОМ В КОЛХОЗЕ. ЖЕНЮ МОЖНО БЫЛО ВИДЕТЬ В САМЫХ ОПАСНЫХ МЕСТАХ, ОНА УСПЕВАЛА ШЦЕЛКАТЬ ФОТОАППАРАТОМ И ПОМОГАТЬ ПОГОРЕЛЬЦАМ ПЕРЕКАСИВАТЬ БУКВАЛЬНО ИЗ ОГНЯ ДЕТЕЙ И ВЕЩИ, УСПОКАИВАТЬ ПЛАЧУЩИХ РЕБЯТ. КОГДА ЕЙ ПРЕДЛАЖАЛИ НЕМНОГО ОТДОХНУТЬ, ОНА НЕ ХОТЕЛА ОБ ЭТОМ СЛУШАТЬ И СНОВА БРОСАЛАСЬ В ЦЕНТР БОРЬБЫ С ОГНЕМ». ЭТОТ ОТЗЫВ ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЖЕНЯ ОТЛИЧАЛАСЬ НЕ ТОЛЬКО ТРУДОЛЮБИЕМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬЮ И ЛИЧНЫМ ОБЯЯНИЕМ, НО И БОЛЬШИМ МУЖЕСТВОМ.

ОНИ БЫЛИ ЦИГМАМИ

Борьба создает характеры — вот тема моей повести „Большой крик“, отрывок из которой печатает „Смена“. В отрывке выступают бывшие лица. Люди, подымающиеся с коленями. Для одного, Кузьмы Зымова, этот путь прост. Это бывший партизан. Потеряв зрение на вражеской войне, случайно лишившись правой ноги, слепой, инвалидный революционный борец не ранди, он и в пору нищеты сохраняет яркую мечту об иной жизни. Колхозники-инвалиды озабочены еще и трудом и в этой жизни. Другое дело Душня — стареющая женщина, лишившаяся с раннего детства. Она потеряла все, даже стремление к лучшему. В ней змеится даже протестившее человеческое чувство. Путь к новой жизни для нее давлен и сложен. В отрывке показаны первые ее шаги по этому пути.

Кузьма спрашивает:

— Встречаешь с начальством, мужики как в пренес-не зремя отступают с пороги и снимают шапки? — Шапки? — отвечает ему. — Что ты, теперь это что нет. Колхозы, со знакомым здороваться. Как ты погулял об этом? Мы и не замечаем.

На...

— Зачем накрыт этот стол?

— Здесь наш кабак. Стол накрыт красной материей.

Он спрашивает: «Есть огладется вокруг, можно увидеть сразу несколько тракторов или один этот трактор? Они избергают дым как паровоз или дым без дыма, как автомобиль? Как, в самом деле перекатываешь меня? Сколько видно механизмов по углам?»

Растарася невнятный Кузьмы мир. Он стоит иностранцем в своей деревне. Он и теперь не представлял картины родных полей. У него ничего не было.

Но если бы мир оставался неизменным, не была ли бы жизнь его подобна полудремоте между давно знакомых камней? В конце конов он теперь не жид чей-нибудь малость. Как всякий другой он имел право требовать своего.

Он потребовал денежного налога. Кажется, уже родины анализ, а у вироботала, чтобы не оштрафовали, около 200 трудоводий.

Ему дали денег. Он пошел в кооперативный магазин и выбрал сапоги — большие сапоги с высокими голенищами, о которых мечтал еще до войны. Ему заматилось было тактике купить рубли. Душня подавала ему прикладя везти и подавала всевозможные замечания.

Купив сапоги, они пошли в поле. Кузьма шел очень быстро, так, что Душня едва поспевала за ним. Ветер раздувал на нем чистую лыжную рубашку.

— Какой ветер! — проговорил она.

— И ветер и ветер! Того и гляди протынешь!

— Кузьма усмехнулся:

— Протынешь в туману-то туману?

Он понюхал, и туману отдухнул. Кузьма сонел с трюника и опустился на камень.

— Самишнь? Чьям расшумелась. Наверное, в горех жарко дождь... Я это помню. Вода идет поворотам как на мельничине водосе. Деревья сгибаются. Вода желтая и небо желтое.

— Один раз мне подарил замелое платье, — вставила Душня. В ее голосе посматривалась нотка мечтательности.

И в кид в зеленой шингел сем лет. Шингел стала серой, мочального цвета. Мои шингел протрелена в четырех местах...

Влады прогрезил грим.

Кузьма обладал горячие губы, приподнялся и опустился снова.

— А мы еще молодое. Мне сорок лет.

Душня молчала. Кузьма протянул руку, нащупал ее лицо. Мускулы ее лица вступали в и острелила себя под его пальцами. Он узнал умятку. Тогда он захватил ее голову изгибом локтя. Быстро, не поспешно, не зарывался, она проговорила:

— Что ты, Кузьма, что ты?

У него стал дождик пламчи. Он прижимал ее голову ярче и ярче. Она испуганно шептала и пробиралась пальцами за ворот его рубашки. Но как остронный бван ее пальцы... Сашиком долго она была побуршошой!

Душня слала под одной крышей и на одних нарах со всеми колозниками, одной морей с ними поучала за свой труд, но она не чувствовала себе одной среди них. Она прислушивалась соседкам и никому ни в чем не перечила. Бригадирю она называла бойфестелем и кормилем. Напрасно Подозов мордастел: «Где ты теперь попарившая турбушница. Напарно знала он се на собрании, а пламчи выдвинула даже на районный сел колозник. Самое равноправие свое она принимала как неравноправия. Она принимала его как малость. И ей казалось, что вот кто-то рассердится на нее и все отнимет.

И она скрывала свое недоумение. «Скажу —

всему конец! — зумала она. — На что тым згорая побуршоша!... Но раз утром, едва она обьяла первый сноп переласло и хотела скрутить уэль, как в глазах у нее потемнело и она поначувалась назад на ослабших ногах. Голошота, выжвавшись еще до завтрака, подылась к самому горат. Тешило ее не в первый раз, но она объяснала все своей жалостно: полевое питание улучшалось, и она сдала очень много. Но сегодня она парочку умерила свой идент. Неружная она забременела? Нет, невоз-можно это. И как это странно! Придется опять побираться. Превозматая слабость, Душня нагуляла к спешу, но вокруг ее сразу как бы образовалась пустота, и она упала на локти.

Тогда она пошла в Колозков, чтобы отспротив-сся с работи. Ноги ее волючались по живанию. Перед глазами пала какой-то непроницаемый серевый туман. Она должна была обернуться лицом к солнцу, чтобы разобраться, засеревший день или некий.

Вдур, проивзвонимо щербетуи, из-под самых ее ног выпорхнула птичка. Душня невольно встала под ноги и увидела кустика бобовинна и сред-ди кустика птичка тешило. Вернее, не самое тешило она увидела, а букет желтых разнуктых под-нишек.

Птенцы были голые и горячие. Под ними, на самом деле гнездышка, в сухих перлах лежали два таких же горячих яйца. Душня достала одно. Оно было голубое, в рывих крапичках. На одном конце была дырочка как от булавочного укола. Душня опущила в плавдах легковые толчки: яйцо она беремная! Отов расшумелася но всему се телу. Остронно она поамоина на место яйца. Птенцы щипали ее пальцы своими разнукными ртами. Своей догадкой Душня ни с кем не поделилась. Она боялась вскрикнуть. А как ей нужно было про-рассердиться кое о чем. Ведь она очень мало об этом знала. Она вспоминала то немногое, что успе-вала подслушивать и подсмотреть в далеком детстве. И вспоминалась мать, беремная десяткам, по-том десяткам ребенком, ее разговором с соседками, ее нечеловеческие крики в те дни, когда замира-лась она в забсе с повитухой, а она, рбетишник, стояла за дверью и вторым ей, а сдвигавшись стар-ше, цепелькал оксвинине тайной. Теперь Душня умалбала этим давно уткшим словом своей ма-

тери, и сердце ее замирало совсем как в ту пору первых догадок о сокровенном.

Она стала следить за другими женщинами и захотела быть похожей на них. Она увидела, как умихивалась Аня. Аня баскала воле полными пригоршнями и тремпалась при этом как воробей, когда он купается в луже. Умихивши, Аня за-давала в калку с водой. Душня же всегда довольствовалась тем, что рава три-четыре прово-ка. Теперь она стала умихиваться как Аня, и раз погаделась в калку.

Она стала инстинктом смеюи, что вяла у Тат-ьяны свою полудину. Эти соломенные полудины По-дозов родла всем, кто воечала в полевом стане. Но однажды у Татьяны, которая слала рядом с Душней, заболел бок и Татьяна вяла у нее по-лудину, а с тех пор так уж и стала на лужу. Душня захотелась увидеть свое тело, и она, не дожидаясь очереди, отиролася в бваню. Она присидела там до сумерек. Тело было старое и запущенное, но Душня была ослеплена. В вездях этого запущенного тела зрела вторая жизнь.

Из бани она пошла в свою заколочную на лето лядушку. Впервые она заметила грязь, которая ее окружала всю жизнь. На онах лежала заросшие палешино сосисие огурки, сор аскала по углам ворохом, от постелл шел тислявший запах. Она зыгрела сор, промывла она, проветрила постель.

Вечером она сходила за Кузьмой. Он не хотел идти в станицу, она уговорила. Он умихивался ее слово шла за ним, поворачивая каждое его движение. Рассказыва ему о переменах, какя проивалась в ха-те, она сказала тихо:

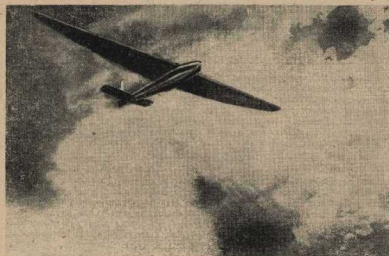
— Мальчишка жид, Кузьма Емельянич, мальчиш-ком я брехала.

Сначала Кузьма растерялся почти как в тот день, когда узнал о своей слепоте. Он даже не сразу решил перебраться ее. Потом он испом-но пошевела плавдах, но плавды его знала только одна детскую голую — русую голову школьника Бины. Тогда Кузьма с гордостью подумала, что его сын станет таким, как Подозов.

Он протянул руку и коснулся ее лица. Она ум-балас. Как часто она умалбала последние время!

... Кузьма выбрал болотные сапоги с высокими голенищами.

ПУТЬ В ОБЛАКА

Перед облаками всегда образуются восходящие воздушные потоки. Планиер может пролететь десятки и сотни верст, переходя от облака к облаку.

— Дадут или откажут — это их дело. Мы будем врать, что нам надо. Пилин, Володька!

— Ротк основных промышленных, фанеры миллиметровой, аэло-возлеза.

— Бумаги...

— Что еще писать?

— «Ранним, гвоздей от 5 до 16 миллиметров, оловца».

Обязательно бамбуки! Непригодные детали толстая промывались через переродку. Леонид Холод снал со стены строительную модель самолета. Саду пилы с ее плоскостей. Проворными пальцами повернул винт, поправил гуан и поднял ее высоко над головой. Молотком спорнула с лопкой. Крутым вырвался пролетела по комнате и перемкнула через переродку к юным авиостроителям.

Володька Смотри, «Сокол» улетел к нам от дяди Абин!

— Измеряй его скорей! Дай-с его чертежи!

— Нет, нет. Подем к дяде Лене. Ребята гурьбой ворвались в комнату.

— Дядя Лена! Выш «Сокол»...

— Расскажите: как вы его делали?

— Нет, лучше расскажите о планерах. Леонид усадил ребят на диван.

— «Сокол» я буду строить еще раз с вами вместе в нашей мастерской. Там вы все поймете, а о планерах могу рассказать сейчас:

«В 1925 г. мы строили первый планер. Тогда в нашем кружке было шесть человек. Самый настойчивый наш планиерист Абрам Ройтберг просиживал целые ночи за чертежами. У старого рукоука в чулане, где он работал, быстро выросла стопа серой бумаги, на ней вдоволь и попереки разматывались колодки цифр, рисунки узлов, зарисовки. Кольца Жуков каждый день раздавал задания, кому что

доставит. Нам часто приходилось грешить. Не удалось выпарсить, так мы просто «прывалсаем», когда завязаются, а после скажем: «Дяденька, у вас тут валялась фанера, нам ее подорожал». Ну, поругают нас, и все в порядке.

Машину строили у Кольки в сарае. Колькина мать часто заглядывала к нам; присут, покачивает головой: «И что делают беднякини, безотцовщина!» и уйдет.

Шесть месяцев мучались мы с нашей машиной. Несомотра на все наши старания «Орла» получался грубым, неукающим и тяжелым.

Хотелась скорее закончить постройку и попробовать машину в полудку. Когда все было готово к полету, Колькина мать заперла сарай и сказала:

— Хоть и дурные у вас головы, ребята, а все-таки им место на пачах, а не где-нибудь. Не допущу и смертубийства и сарая не открою.

— Стенывал! Мы же ее одну пуснем. Мы не будем сами на ней летать,— шалтался обидчив Ройтберг.

— Знаю, знаю, умница. Вы меня не уговаривайте,— ответила Колькина мать и больше не стала с нами разговаривать».

Леонид вымолк.

— Ну, что же дальше, дядя Лена?

— Ну, вот, что хотите, то и делайте. Машину построили, а летать нам не дают. А ведь готовились. Изучали теорию полета, расширяли о полетах и машинах всех, кто что-нибудь знал об этом.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не приехал Колькин брат, летчик Федот Жуков. Ему мать отдала сарай. Он долго опудивал «Орла», дергал за проволоочные тросы и оставил крутка крылья, поднимая машину за нос, осматривала каждое крепление и часа через два передал Абраму список неисправностей. В списке были перечисле-

ны все части «Орла» и на каждой части по несколько неисправностей.

Жуков, смеясь, следил за нами, пока мы читали список, а потом сказал:

— А вообще машина толковая.

Сколько радости было! Слышать такие слова от опытного летчика! Мы бросились к нему, стали расспрашивать о том, как устроить полеты. Но Федот избегал ответов.

— Вот устраните дефекты, тогда поговорим. Мы принялись исправлять машину. Федот плоскогубцами обривал установленные нами сержки для крепления расклад. Вырубал и ставил на их место крепкие стальные шпильки. Он сам поправляла ответственные детали машины. После долго и интересно рассказывал нам о полетах.

Утром мы вытаскивали «Орла» из сарая. Здесь, на просторе, он казался нам более красивым и крепким. Мы долго тащили его по переулкам.

Когда мы вышли за город, дядя Федот поднял флажок.

— Вот здесь мы и полетим.

Нам было обидно, что Жуков выбрал маленькую горку.

Трое летая свали планиера и держали веревку, удерживая за крючок на хвостовой балке. К крючку на передней части планиера также прикреплен длинный веревку в два конца; на каждой конец веревки Федот поставил по 5 чашек и рассказал нам, как надо гнуть, когда он подает команду. Сам сел в машину.

Мы стояли сбоку, дрожа от нетерпения. Федот смеялся, глядя на нас, и словно на зло нам делала с командой.

— Когда я крикну «старт!», бросайте веревку,— обещал Федот парням, которые держали планиер.— Стартовая команда побегит и прыгнет; за собой планиер.

— Тини!— крикнул Федот.

Сборка планиера требует особой тщательности и внимания. Плохо укреплённый водос, непослушный руль могут стоить жизни пилоту.

Планиеры ставятся на одно крыло таким образом, чтобы ветер не мог своеобразно изменить направление обтекания к ветру. Сбиваются же планиеры всегда против ветра: воздушный поток подхватывает их, и они начинают парить.

МОРСКИЕ ПЕСНИ

1. МАТРОС

От первой нашей вестри
И до последних дней
Мы ходим каждый вечер
К рюкзачу вояки,
В тот час,
Когда под полночь,
Со всех концов земли,
Натуральные матросы,
Приходят корабль...
Овевшие ветром,
Омытые водой,
Матросы в серых гетрах
Амбуют тобой,
Беру твою я руку
Как почету моряку.
Нить ты, क्या штурвал!
Косышка на боку!
Таких за мною триста
Ходило по пшам,
Когда сходил на пристань
По равным городам,
Ты, может, позабыла,
Что наших моряков
Встречают работа злыхам
У складов берегов?
Мы на страны равнины,
Одной на целым свет,
И никто лезни очи
Глядит нам долгу вест,
Из них люблю я вояки
Себе я ног бы давить,
А ты смеешься звонко,
Не хочешь и гуалт!
Держись не савком важно,
Целым светит как дым,
Мне скоро и на вату,
Пойдем же, погалдим,
Как полночь на пристань,
Со всех концов земли,
По волнам серебристым
Приходит корабль...

2. ДЕВУШКА

От первой нашей вестри
И до последних дней
Мы ходим каждый вечер
К рюкзачу вояки,
В тот час,
Когда под полночь,
Со всех концов земли,
Натуральные матросы,
Приходят корабль,
Матросы в серых гетрах
Шатаются за мной,
Берешь мою ты руку
Как почету моряку.
Решаешь,
Смотришь ласково,
Решаешь на боку,
Подуваешь, пригонишь,
Один на целым свет,
С такими шикарным клешем,
С значком на рукаве,
Ты восходи на пристань —
Матросы каштат!
И триста
За мною побегит,
Забыв ты, как огромно
Целован, матрос?
Заводы,
Шхаты,
Домны,
И золотой волос!
Не зря глядит авартно
Братва с чужих судно,
Из них любовь завтра
Я ваять могла бы в дом,
Держи же себя прилично,
Часы летят как дым,
Мне скоро на кипричий,
Пойдем же, погалдим,
Как полночь на пристань,
Со всех концов земли,
По волнам серебристым
Приходит корабль.

Перевел с белорусского

П. Желнов.

Кольба даже присла на месте. Десять здоровых парней натянули веревки. Садят трою, упираясь вместе с пилвером подлоди по земле.

— Старт! — крикнул Федот задним.
Планир нимкнул по замершим лужидкам и ровню, бесшумно оторвался от земли, спокойно промчал над дугом и опустился внизу, за дорогой. Его спора притянула на гору.

— Ну, теперь мы поочеред! — крикнул Кольба.
— Не торопитесь, — строго сказа Федот. — Надо кое-что попятя на земле, а потом уже лететь. Он послал Ройтбергя в кабину и оставая угн. Он послал Ройтбергя в кабину, а сам поначинал машину за крыло. Снова таянут веревку, снова те же громкие команды Федота, — но планир не летит, а пробегит по земле и остановится.

— Что же такое, дядя Федот? — возмущался мя.
— А ничего особенного. Вот, побегает по земле, а потом можно будет в воздух... с неизменной улыбкой отвечал он.

Наконец машина с Ройтбергем поднялась, но она почему-то вздрагивала, болталась, крутила носом, рули ее трепалась как в дороге, и мы успевали только тогда, когда увидели ее на земле.

Федот вышло из нас долго испытывать на земле — и потом пухнул в воздух. Я не помню своего первого полета. Смутно вспоминаются команды Федота Луюкова. Помню, как машина рванулась вперед, кинула победная земля, чемех и самоно провалилась, а что было дальше — не помню. Я чувствовал под собой что-то мягкое, слегка вздрагивающее (хотя сидение было сделано из грубой фанеры). Казалось, а силу пришло в воздух. Потом что-то стукнулось о землю, вокруг меня смешались и прыгали люди. Федот подал мне руку и сказа:

— Ничего! Неплохо будет лететь.
После этого не летать уже было нельзя. Мы все шестеро бродили полетами. Через несколько дней в полете Кольба Луюкова «Орел» сломаюсь, грубо стукнувшись о мерзую землю на посадке.

Эта беда еще больше разожгла страсти. Отбавляясь от полостя никто не хотел. И новый планир мы строили не шестеро: в кружке было 72 человека. Мы организовали добычу материалов, и не было нужды «прикалывать» что-нибудь у заведывающих соседях.

Многие после наших планиров стали теперь образованными летчиками, и нет ни одного такого, который бы не захотел летать.

Через несколько дней к Леониду Холоду пришла «девушка».

— Мы организовали планирную кружку, машину — у нас есть. Помогите наладить полеты.

Леонид, не отвечая делегатам, позвонил планирную станицю и через полминуты повесил трубку, сказа:

— Ну, что я. Пошел на старт.
На старте ожидал планир. Кружковцы уселись на траве. Леонид объяснял.

— Машина летит сама. Не мешайте ей, не двигайте управленики, когда она идет хорошо. Когда машина кренится или опускает нос, тогда и вмешайтесь: кренится машина вправо — левую отдайте ручку влево и смотрите на валот. Как только крен выравнивается, сейчас же ставьте ручку нейтрально. Машина не любит резких скачков — управлять ею надо плавно, в ритме ее движения. Чем меньше вы будете болтать рулями, тем лучше пролетите.

Водросов не задавали. Сашком много их возниколо, а хотелься скорей летать.

Первые завиятия ушли на балансировку. Поочереду участы садилась в машину, выравниваясь по спидке сиденья. Натуровременно садился за малейшие колебания машины. Прежде резкие и зашпиченные подкачки становились равномерными. Комсорг Балаев, отличаясь особой чуткостью и внимательностью к машине, умело удерживал ее на высокой деревнишю.

Второе управление проходил с нетерпением. Желание уйти в воздух подымало всех, а Холод настойчиво требовал рулить по земле. Он разрешил натягивать амортизатор на 10—12 шагов, от чего пилот никак не мог взлететь.

Первые полеты планира были для кружковцев праздником. Третьяков Холод выполнялись всеим с предельной точностью.

— Ну, вот. Теперь вы остаете лучше меня. Я больше вам не уинтель, — шуточно сказа Холод. — Вас ждет самолет. По вас скажу рекорды — планиры. Видите, как скучно без вас обавляем!

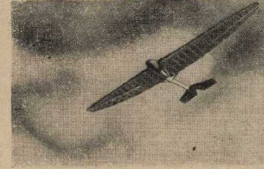
Загорелые лица ребят обегивали в небо. Из кудрявой облады амортизатора планира. Он медленно кружил над стартом. Целаясь за лучи, переходя от одной к другой, он скоро скрылся в просторах неба.

Планир «Ш-3». На нем может летать пилот с двумя пассажирами. Спроектировал его конструктор Ш-3. Самолет на Ш-3 был поставлен пилотом Глебовским мировой рекорд продолжительности полета с двумя пассажирами (10 час. 29 мин.).

Стиль хорошего планириста — военный характер и точность при выполнении заданий. На снимке — учел донадевает инструктору о своем полете.

На этой машине южно планирности впервые отомовляются от земли. Угол (учебный планир). «Угар» есть на каждой планирной станице. Спроектировал «Угар» конструктор Антонович.

А вот эта машина требует уже известного опыта от пилота. Она приспособлена для тренировочных полетов.

Эрист Тельман — рекордная машина. Конструктор Грошев так рассчитал все части машины, что она может выдержать обломки гдеть и набирать высоту, не подумывая, что этот планир имеет колесы. Мы видим не колеся в теленику, на которой планир подвешивается из авгаров на старт.

записывает в своем дневнике: «Вновь убеждаюсь в том, что они способны разговаривать, они могут говорить и читать, а иногда и думать. Не наблюдательность Сафонова скормит повелю, любовь к красивой фразе и многословный лирический излиянием мешает ему взглянуть глубже. И стоит Гриншу закурить, Волода сухая и ограниченная, и Коляка дает в романе прекрасный ответ интеллигентски-чуждым мыслям Сафонова.

«Ну вот он (Коляка) — пишет Эренбург, — не снал. Он много дунал. Мысли его были путани... Кроме знания существовало другое: звуки, беспрерывная бы и огромная непередаваемая радость».

Коляка по-особенному воспринимает классическую литературу. Он чувствует силу великого мастера, но сохраняет самостоятельность суждений.

Отсюда познана литературных оценок Коляки: «Все это сильно выражено», — говорит Коляка, — самый ничтожный человек становится огромным, но чего-то не хватало, все кажется, что эти люди не читают, не работают, не любят, столько все время чувств, что и читать и спрашивать, где же чувств?»

В лице молодежи, в ее отношении к технике, искусству Эренбург с пастельной выразительностью подхватывает путь овладения культурным наследством прошлого. Образы Володи Сафонова на одном полюсе, а Коляки, Гринши, Ирины, Вали, Сеники на другом конкретно и убедительно показывают, но, наоборот, равняют их. Видя Коляку со всеми его анимом создав именно коллектив Кузнецки.

Эренбурга можно уверить в том, что контуры новых человеческих отношений он не очерчивает столь четко и полно, как интеллигентски-индивидуально внутри Сафонова.

Несомненно, что Волода Сафонов как тип получился наиболее законченным.

Если образы Коли, Ирины, Грши и созданы Эренбургом с любовью, то, несомненно, образ старого большевика Шора гораздо менее удачно писателю. Шор, как правильно уже отмечалось критикой, не только схематичен и аскетичен, но и подлин в плане моральной жестокости и притом расплывчатый, неопределенный.

В заключение хотелось бы подчеркнуть в этом романе Эренбурга особое сочетание смелого реализма с большой лиричностью и воображением большинства людей и особенно молодежи.

Наша жизнь глубоко потрясла, автовознала и даже ошеломила Эренбурга.

Не полностью еще ясно Эренбургу процессы, происходящие в нашей стране, и все же правильно им отражено.

У Эренбурга иногда краски ярче там, где речь идет о рынках, индивидуальных вредителях, ярост Там Кузнецки, о трудностях стройки, чем там, где речь идет о советных строителях и радостях жизни, которую дает стройка.

От основного он понял и увидел: побеждающая в действительности социализма.

От разнурительного скепсиса в своих прежних произведениях Эренбург сумел подняться до художественно сильного, заряжающего бодростью утверждения строящейся жизни.

Новый ЭРЕНБУРГ О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

И. Эренбург.

«Девя второй Иван Эренбург — еще далеко не совершенный образец советской литературы. В то же время это — и не просто талантливое произведение.

При чтении «Дня второго» испытываешь двойное чувство: радость от нашей страны, правдиво и любовно воссозданных автором, и радость за Эренбурга, проделавшего знаменательный путь от иронического и беспечно-скептического отношения ко всем общественным ценностям до искренней радости социалистической действительности в «Дне втором».

Эренбург смело поспешает заглянуть в мир дум, идеалов, творческих устремлений, личных переживаний молодых строителей социализма. Проникновение Эренбурга порывает с традицией обаятельного и мелукомого показа «хороших ребят», какими чаще всего выглядят молодые рабочие и комсомольцы в нашей литературе и драматургии.

Путь молодого поколения и социализма имеет особые закономерности — творить ему надо значительно больше чем разрушать, в отличие от поколения, сделавшего революцию.

Но борьба с типом буржуазной культуры актуальна и для советской молодежи.

Эренбург открывает худший и опаснейший для нашего социализма времени пережиток капитализма в сознании людей — это дух бездельного отчуждения, мертвого скептицизма, обаявшегося в одежде высшей объективной мудрости. Носителям этих качеств в романе — студент Волода Сафонов.

Волода имеет своих товарищей-узнавцов по культурному уровню. Он обладает острой, но не имеющей направления наблюдательностью, он умеет быстро обобщать свои критические наблюдения. Сафонов показан Эренбургом как человек, не лишний шаг, искроно изучивший в поисках глубокого смысла жизни. Но поиски Володи кончатся неудачей, ибо он их предпринимает, отравленный мешанной самых разноречивых — платических, моральных, философских — оценок. Эренбург показал, что Волода и ему подобные, истинно не воспринявшие наследство старой культуры, неспособны понять глубину и высшую человечность нашей борьбы и обрести в ней место.

Сафонов — объект критики. Ему принадлежит роль объективного наблюдателя жизни. Но правильно понять процессы, происходящие в нашей стране, способен лишь человек, страстно включившийся в борьбу и строительство. «Мы ничего не делаем», — пишет Ирина Волода, — чтобы жизнь стала лучше, ты замечаешь только плохое и смеешься».

Эренбург наглядно убедит читателя в общественной, моральной и даже эстетической природе худшего Сеник, Грши, Петки, лишь пробивающихся к культурной жизни, над Володой Сафоновым.

Огромная сила еще не зрелого, но крепко завладевшего инстинктами и двигающегося вперед молодого поколения ощущается в романе Эренбурга, ибо свои молодежные образы он согрел искренним чувством, для них он нашел живые краски и лирические тоны.

Молодые Эренбурга — это люди с разнообразными и богатыми, но еще не развитыми индивидуальностями. Эренбург не показал полностью своих своих юных героев (комсомолка Грши,

рабфонец Сеника). Но в той сдержанности, с какой они обрисованы, ощущается его большую красоту духовного облика этих людей в будущем.

Мы видим, как Коляка Рыжов, передовой комсомолец строит и централизованные молодежные бригады в романе, критикует, формируются платических, как развивается у него интерес к технике и литературе, и все это происходит с Колякой в напряженной обстановке строительства.

Коляка твердо знает, чего он хочет, но это не обостряет его индивидуальную особенность.

Сущность так называемого положительного героя в классической литературе прошлого в том, что он нежно протестует, не находит себе цели и удовольствия, и наконец, трагически погибает (Гамлет, Чайльд Гарольд). Его общими антитеза, выражающей самодовольное туповое и ограниченное, — это человек, определившийся в жизни и привыкший к ней, это узкий и ограниченный философ. Но не тавола целеустремленность молодежи рабочего класса.

Будущее принадлежит людям, уверенным в своих действиях, владеющим искусством и волевым. Уверенность не лишает их широты кругозора и духа борьбы и горения. Это целеустремленность класса. И в этом сущность Коляки Рыжова, мастера народного искусства.

Различные наблюдения, которые привели Коляку и Ирину, Варю и Гршю в Кузнецки, но всех их объединяет жажда творческой жизни, жажды знаний, внутренняя, хотя у многих еще неосознанная убежденность в том, что они не маршируют в руках слепых общественных сил, а творцы своего счастья и побед.

Волода Сафонов как будто бы глубже, серьезнее Коли Рыжова, ибо он много думает над личными проблемами бытия. Это исключает Колю, но не от духовной зрелости или ограниченности, а потому, что он сам по-настоящему, без громкой фразы, творит это бытие.

Привлекательна и дерзкая лишь недавно научившаяся грамоте Вала говорит обманутке Наталье Петровне: «Мне хочется понять меня и до самой глубины».

Рыжов, появившийся на несколько дней из Кузнецки в Гем, не менее сильно чем Вало захватил культурная жизнь Томска. Когда Коляка слушал лекцию проф. Зарькова «Перспективы горной металлургии», «глаза его были радостны и возбуждены», ибо, что говорил профессор, имело непосредственное отношение к родному Кузнецку.

При всем различии уровней и жизненного опыта Коляки и Вало, все и другие объединяет их отношение к культуре: это с одной стороны, восхищение, но вместе с тем личное всякого фетишизма отношение к человеческому разуму, к коллективному знанию, а с другой — глубокая уверенность в возможности жить лучше из старой культуры для новой жизни.

Так думают наши Коли, Вали ипринтовские Сафоновы, для которого знания, книги — это жажда знаний видят лишь утилитарный интерес и узкий практицизм. Он злобно и высокомерно

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

1.

— Мы снова вчера собрались у Кати Юргенс. — Нас развлекают многие утяти и дяди. Катя работает в лаборатории трансформаторного цеха. Я лекальница-слесарка. Катя недавно помогла мне сдать зачет по мотору, а наша дружба с тех пор стала еще крепче.

Итак, вчера у Кати собрались друзья: пришли ребята из Академии связи — Паша Дятлов и другие.

У нас была очень интересная программа. Прежде всего мы пели новые песни. Они еще не напечатаны. Например «Дальневосточнику»: прекрасный ритм, свежие слова и удлинительно звучные рифмы. У нас есть свой шутник. Он замечательно копирует актеров, подражает джазу.

Затем на сцену выступила патфрон... Оказалось на такой вечеринке Паша сказала мне о стрелковом кружке...

В цехе я лекалька, собирала ребят своей группы, учила. Когда меня впервые поставил «на плашки», я стала ударницей. Моей группе однажды принесли прекрасное задание. Дважды я ездила в Ленинград, на лектор «Октябрьская революция». Я отвозила морякам подарки завода: электрические утюги, лампы и патроны. Это была продукция моего цеха. Это были пламя моей первой профессии.

Но вот весной в моей группе появились первые вооружающиеся стрелки. Я была убеждена, что кружок должен стрелять лучше всей группы, и я задумала стать вооружающимся стрелком. В апреле набирала в школу снайпинга... Нас было только две девушки в снайперской школе.

И вот здесь началось моя вторая квалификация. Я пришла к снайперству и нашла свое место в обороне нашей страны.

Замечательно протекли дни на кусковском боевом полигоне! Я держала винтовку как самую дорогую вещь в мире.

Яблочко мишень мерещилось мне в трамвае, во сне, в витринах универмага. Я прицеливалась в номера трамваев и в стальную собаку «амфиол-нов». И только короткое время уводила меня из тира. Недавно я прочла «Человек меняет кожу». Очень понравилась. Книгу я ни за что не променяю!

Я рассказала вам кое-что из моей жизни, но я забыла сказать, что мне нет еще и двадцати лет! Я родилась в 1915 году!

Что радует меня сегодня? Я впервые выбираю в совет. Сегодня я совершаю свой первый шаг гражданки. И хотя, может быть, никто его не заметит, ибо он сообразен с миллионным шагом моих сверстников,—это большое событие в моей жизни.

Так говорит молодая работница Завадкина.

2.

«...Возьми нас, девушка, к себе

туда, где ветер, где мотор
гул».

Эти строки принадлежат молодому поэту-электроводцу. Они посвящены девушке-актрисе, подобно Завадкиной освоившей две профессии.

Я видела веселое племя молодых избирателей-электроводцев, впервые в этом году получивших право выбирать и быть избранными.

Они не только сагают стихи: среди них имеются и знатоки музыки, «регбисты» («регби» — сложная игра, похожая на футбол и игру в мяч одновременно). Они учатся в летней школе без отрыва от производства.

Ваня Павкратов до того увлекался авиацией, что начал приходить домой за полночь. Он объяснял Лешечке, что его задерживает учебе.

И вот однажды, когда Ваня выскочил из кабинки самолета, он увидел среди пилотов на старте свою семью: тещу, отца, мать и жену, приехавших на аэродром, чтобы удостовериться в правдивости утверждений своего мужа.

Петя Семенов знает науку «Евгения Онеги-

на», напечатанного приложением к электроводской газете.

Петя хорошо играет на гармонике, его всегда приглашают на вечеринки и удерживают играть забывая о том, что и ему хочется повеселиться. Однажды он отложил гармонию в сторону и сказал ребятам:

— Мне надоело играть. Мне грустно.

Разве гармонию должен быть всегда веселым?

Но когда на Красной площади встречал человека и его сосед по колонне перекинул гармонию через плечо, Петя выхватила гармонию и сыграла авиационный марш. Он угадал в это мгновение Каманина, который был старше его всего на пятилетку.

Эти ребята сегодня впервые избирают в совет. Они стали снайперами, авиомодельстами, парашютистами, летчиками, пилотистами, оркестрантами, поэтами, заводскими журналистами и даже ботаниками, не покидая цеха!

Вчера они собрались в Ваделенском театре. Завадкина пришла туда из тира. Слесцов пришла прямо с аэродром. Он учился в летной школе. Захаров оставил скрипку, Гольдберг — велосипед.

Они пришли в театр на слет молодых избирателей, который явился праздником их политического совершеннолетия.

Она впервые избирает в совет.

Лекальница Электровода и вооружающийся стрелок — Завадкина.

Картина мадридской окранны: рабочие семьи спят на улице, так как в магазинах, гранных лачугах — наскомные и небообразная духота

Дж. Лебедев

ХУАН С "КАРМИНЫ"

РАССКАЗ

Маленький рыцарь, в один метр и двенадцать сантиметров роста, Хуан Маленький—так его зовут в отличие от большого Хуана, его отца, который убил ландскнехта в Овиедо и за это был прогнорирован к смерти. Мать Хуана, за контрабандный провоз табака через Бискаю, угодила в военную тюрьму и там умерла от чахотки. С тех пор Хуан—ночегар на «Кармине», портовой лодки, которая подвозит хлеб, мясо и прочие продукты морским судам, останавливающимся на рейде Хихона, астурийского порта.

Хуан присутствовал на очередной корриде (бой быков) в Севилье. Коррида была мечтой Хуана. Он срывал во сне пашиней трои алмазосментов, и сладкие навзхи (made in England) засылали его беспокойно ворочаться на кровати. Его идеалом был Эскамильо, который мог бы всадить ногой в шею самому королю. К быкам он относился мрачно. Но в жизни своей он победил только креветок.

Когда в Испании началась революция, парни собрали в котловку свою фамильную наваку, кисет табака, мягкие деревянные сапоги—эспадрильи—и махнули бескомое в Мадрид. Ночь и горы пропущали его. Он прошел через всю Астурию и Леон и только от Вальвадонда ехал уже под вагоном. Мадрид встал перед ним точно arena. Он пришел в театр, чтобы узнать, где можно померяться силой с баялами, директор в ответ просто вызвал полицейских. Хуан дал кому-то в зубы и пропал в переулке. Его не стали искать: кому нужен безарный бродяга? А Хуан ходил по городу и рубил спиралью у всех, где ему найти таких быков, которых он мог бы ванить своим ножом, чтобы кровь была вокруг него фонтаном, испанки воссидались бы им и голова кружилась бы от сабле. Но люди только смеялись над ним, а голова лопла что кружилась от голода.

Майским утром на Пьянда дель Соль пылали огромный костер из повозок газет. Пьянда дель Соль—соменчая площадь. Солнце революции начинало конюировать с горячим солнцем патриотизма. Десять тысяч людей выжили на улице. Среди этих десяти тысяч был Хуан. Он не ответил бы, как он повла сола. Тогда подхватыва его, но азарт недовольства разбухнул его кровь, и он стал кричать громче и вале других.

Демонстрации шли в криках и соборах. В Испании 200 тысяч повоз и молотов, 5 тысяч мастеров, 35 тысяч перьев и соборов, которые поживают треть народного дохода. Демонстрации шли и кричали:

— Пять повоз из Испании!

Хуан не любил попов. Если бы ему дали пола вместо быка, он с радостью всадил бы в него навалу.

Он впервые на демонстрации увидел комсомольцев. Они шли с керосином. Биномы были их знаменем. Демонстранты молчали, но от этого революция у попов мороз пробегал по коже: зачем ребята керосин?

Хуан не верил в керосин. Хуан верил в наваку. Но в конце концов он выхватил бином и стал олаксивать им влод в монастырь. Комсомольцы, ругаясь, отняли у него бином:

— Это ведь только демонстрации. Пойми!

Он вернулся после этого в свою родную Астурию. Здесь, на севере, народ казался ему более горячим, чем на юге.

Первые демонстрации в Астурии происходили уже под треск винтовоек и пулеметов. Хуан попался в Овиедо после многодневного утомительного пути по горам и сразу стал свежий и бодрый: овраина города встретила его перестрелкой. Он видел свои эспадрильи и ружье в бой. Вот когда лужина бундет его навала! Замес. На сером асфальте улицы зарыбили тела сожженных демонстрантов. Струйка крови поволола по мостовой. Испуганные люди с криком убегали в подвалы, таща за собой ревущих детей.

— Оружия! О-р-у-ж-и-и!

Но оружия не было. Демонстранты прятались в свои конуры, а по улицам носились национальные гвардейцы и расстреливали всех, кто казался красным. Они врывались в лавки дова и кричали:

— Вылавай зачиринов! Где дети?

И угрожали детям смертью. Это действовало на матерей, и иногда самые кривые сердца не выдерживали. Потом побывавшего выволокли на улицу и расстреливали. Отыньне в Овиедо можно было ходить только подвиг руки к себе; гвардия приходила только быть бугубознанными и покорными... Если рука затекла и ошпаривалась, се выравнивали удавкой прикладом и штыком.

Так пришла очередь Хуана. Никто не знал, откуда пришел он. Глухие трюмы Астурии и Бискайи долго видели его тусклую фигуру. Он пробылась черной работой, бугубознанным, шрой на гитаре. Он был двадцать и в Хихоне, но как-то иностранный легионер—русский болгароиде—толкнул его, и Хуан утопил кривизе сердца в море. Кармине кончалась заворачивалась для Хуана. Он ушел с «Кармины» в горы. Он шел—и с ним шла мечта о цорке—кровавое бое на дворе—иногда, но он не хотел убивать быков: при чем тут быки? Кавто девушка с гор Куасеры предлажала ему руку. Она

была прекрасна, и он пошел за ней. Ночью он тихоко выбрался из се хижины и впавав перебрался через Дуру: она чуть не унесла с собой его мечту о корриде. Он ушел на шахты, где трудялка как у каторжника на галерах, но где люди острее ненавидят. И эту ненависть он принес с собой в Овиедо. Три года, прошедшие от первой демонстрации, сделали его почти взрослым. Но руки его, загрубленные на марсовых ваятах и в за-

Андалузские батраки, которые помещики навинчивают, «по договору» для работы, «от зари до зари»

боих Миереса, просил работы, а мир представлялся ему огромной аэроной цирка, где он торгует, а бики—скачущие по улицам гвардейцы.

— Оружие?—спросил он.—Но ведь оружие есть в казармах национальной гвардии!

— Это было, в самом деле, просто. «Альвиде Обрера», где коммунисты были главной силой, в этот день обывала всеобщей стачкой. В Мадриде, в Испании, в Европе, в Америке, в Африке, в Азии шла по всей стране; пока на юге организовывались демонстрации в Онево рабочие вышли из казармы и украсили его красным флагом. На улицах появились плакаты: «Да здравствует Советская Астурия». Но оружие все-таки было мало. В «Альвиде Обрера» собирались атаковать казармы. Тогда с шашт приехал Хуан. Он уже был комсомольцем, он уже отбыл три месяца за избивание английского шпиона. Его встретили радостно. В казарму? Что ж, это идея!

Ночь темна на окраинах Онево. В воде мелкой речушки пестрой рябью отражается холодный свет луны. В узких переулках тени прачки эмкею осторожного шуршала. Стороной от площади, где правителем сидит фашист Халь-Роблес; стачка шла по всей стране; пока на юге организовывались демонстрации в Онево рабочие вышли из казармы и украсили его красным флагом. На улицах появились плакаты: «Да здравствует Советская Астурия». Но оружие все-таки было мало. В «Альвиде Обрера» собирались атаковать казармы. Тогда с шашт приехал Хуан. Он уже был комсомольцем, он уже отбыл три месяца за избивание английского шпиона. Его встретили радостно. В казарму? Что ж, это идея!

Ночь темна на окраинах Онево. В воде мелкой речушки пестрой рябью отражается холодный свет луны. В узких переулках тени прачки эмкею осторожного шуршала. Стороной от площади, где правителем сидит фашист Халь-Роблес; стачка шла по всей стране; пока на юге организовывались демонстрации в Онево рабочие вышли из казармы и украсили его красным флагом. На улицах появились плакаты: «Да здравствует Советская Астурия». Но оружие все-таки было мало. В «Альвиде Обрера» собирались атаковать казармы. Тогда с шашт приехал Хуан. Он уже был комсомольцем, он уже отбыл три месяца за избивание английского шпиона. Его встретили радостно. В казарму? Что ж, это идея!

Рябь с трудом увел Хуана с поля битым. Плену у него болело, он пошито хитился за него рукой, но его все время такую вперед.

— Проклятие! — Хуан стал начальником. Ему повиновались. Он пробормотал: — Здесь, рядом, есть один склад. Идем!

Услепив воинов он заставил себя крикнуть: — Идем!

Его хотели удержат. — Прочь! Равно здесь есть трусы!

За Хуаном пошел весь Онево. Он двинулся вперед, поддерживаемый товарищами. Уже за полночь подошли к другому складу, где хранилось оружие повстанцев.

— Спой! Зави. Брызги крови на пантах ограды. — Назав!

Но кто смеет говорить «назад»? Комсомольцы ложатся на землю, и один из них начинает обстреливать склад из единственного на весь отряд револьвера.

Помощь хорошо забравшаяся в одно из черных проемов на комсомольский рядов.

Э, к тому эту идуноу и утомительную возню! Хуан командует: — В атаку!

Плепча атакующих равнялась к казармам. Их встретил пулеметом. В свесив ночью воздухе далеко отдалась его пальба. На холодном асфальте задымился кров.

Одиночки начинают пятиться назад: атака сорвана! Тогда Хуан, не обращая внимания на разбитые

плечи, бросается в сторону и, цепляясь за крышу ворот, десет на стень. За ним устремляются остальные. Еще раз. Но одиночки уже ворвались за ограду, уже строчек в комсомольских руках новейший пулемет, и вот медленно и вырважно валает по кирпичным плиткам блядей, злой и глупый раненый Хуан. Он срывается со стень во двор. Вперед, вперед! Как разярные морды быков, перед ним кружатся золотые офицерские эмблемы. Он отбрасывает пинком пулеметчика и в бросу кустится, как его лопе, вонзается во что-то темное, вонзается в шпаты, плюскоу ему руку. Прочь! В его руках бьется сраженный бык—капитан охраны... Арена сузилась, темные круги фтываются все более тесными. На него глядят тыщачи разяранных глаз.

Последний Эскамиль из Онево упал.

Но уже с окраины прибежали разобуженные стрельбой офицеры, и целые команды оружия исцезают в ночной мгле на глазах у перепуганных, дрожащих офицеров.

Генерал Очоа собирался в этот день на ярмарке спуститься в Онево, но, увидев красный флаг на казарме генерала, он поспешно вернулся. Генералу Очоа нечего делать в Астурии. На следующий день в Онево и его окрестностях не осталось ни одного солдата. Из шашт Миереса и Трубин пришла рабочая гвардия, из деревень Леона крестьянские альямис прислали свои отряды. Теперь главные рабочие дружины двинулись на Хикон: там рабочие готовились к обороне порта, там же из Барселона правительство послало в Хикон линейный корабль и миноносцы. Комсомольцам поручили охрану горных путей. Секретарь альямис не только позвал к себе комсомольского секретаря и сказал ему:

— Пошли отряд на мисс у Виллавициозы. Там ожидают десант. Есть у тебя крепкие люди?

Комсомольский секретарь ответил: — Все как один.

— Хорошо. Попан человек сто. А командиром... где тот комсомолец, который брал казарму?

Комсомольский секретарь задумался: «В самом деле, где?»

— Ну, алдо.—Секретарь альямис спешил. — Отмди его...

Легко сказать: отщид! Никто не знал даже его фамилии. Но он явился сам как всегда. Ночью, когда, цепляясь за скалы Коаунги, поплаз по поберелью луч прожектора, что-то теньяла рука опустившаяся на плечо комсомольского секретаря.

— Хуан, ты? Я искал тебя.

— Мне передали товарищи. Я привел отряд шатеров из Инфесто на помощь, — сказал он. — Ты оставил здесь, а я поплду к миссу Коаунги.

Там началось высадка. И ушел. В полночь

десант иностранного легиона был встречен таким залпом, что люди, побросав все, равнялись назад. В море. Стреляли уходя, людей не было видно.

И везме сутки потом бронирован дробна деаццатидионными снарядами скалы.

Поздним вечером начали высадку под прикрытием пушек. Но скалы снова приветствовали пришельцев огнем. Тогда Очоа отдал приказ:

— Взять штурмом. В тьме к комсомольцам вышел войска из Сантандера.

Рабочие отряды ушли на моря и дальше, в горы. По пути взрывали дороги и шашты.

А уходя, говорили: — Вернется. Новью Хуан ушел с горстки оставшихся через уходяще Альбаним и Каттабрийский хребет. Целую ночь рыскали в скалах легионеры. Стометные дубы нависли над пропастями, скалы делал один на дотту—и не было пути. Но здесь пропал комсомолец Хуан! И в тот день, когда новый командит Миереса писал приказ: «Банды революционеро уничтожены», невдоама гула ворвалась в окош—и приказ остался неисполненным.

Ночью в горах поблескивают огни, и республика неподвижно орлат зорю охранит свои аэрооблачные ваведия. И когда ветер юмалнет повиче куты кантабрийских лавон, Хуан выскидет к узкому проходу и скалам, который по ночам охраняет он один, и тихо, в такт ветру, запевает свою неизменную песню, память об океане:

«Коя мой—ветер,
Мой дом—ущелье!
Мы впереме,
И победим!»

Улица Онево после воздушной бомбардировки правительственной авиацией.

А. Коваленков

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Раскаленный город был громошд. Талая у морозещиков лед. В час, когда взорвал над нами воздух Маленький горбатый самолет. Он стальной, рожкошущей ракетой Ринулся к высотам голубым.

И цветное, вышуклое лето Солоченным волчком попла под ним Мы садился за его полетом. Видели, как он ярвыми сверкнул И крутым, двойным перелетом Синее пространство зачерпнул.

Как пошел, снижаясь, к дальной реке. Солоченным промчался над рекой, И, оставив в небе дымящий рожер, Мертвой заткнул его жетак. Мы стояли, запрокинув лица, И горделиво молодостью той, У которой светится в белгах Небо нашей родины большой.

ШАХМАТЫ

Под редакцией Г. ГАЙДАРОВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС РЕШЕНИЙ

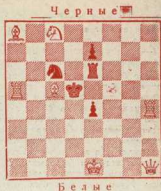
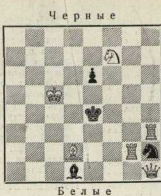
ПЕРВАЯ СЕРИЯ

МАТ В 2 ХОДА

Во всех задачах этой серии белые начинают и дают мат в 2 хода. Все товарищи, избравшие максимально возможное число очков, получают ценные премии. Установлены также премии и для неизбравших максимальное число очков. Учет очков проводится так: за правильное решение двухходовки—1 оч-

ко, за правильное решение трехходовки—2, за доказательство неразрешимости или нахождения побочного решения—3 очка.

Решения посылать по адресу редакция «Смена» (Б. Черкасский пер., д. 1) в течение месяца после выхода журнала с пометкой «Шахматный отдел».

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. КИРОВ	1-3
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ	
И. Владский. — Большое дыхание	4
А. Кропотау. — Гибель «Шанхая»	6
Ник. Богданов. — Афонита	8
С. Крушинский. — Они были детьми фотоаппарата	11
— Евг. Лебедев. — Крепость обороны	12

Г. Крейзер. — В Южной Аравии	14
Ник. Атаров. — Валстайн характер	17
Ив. Овсянников. — Путь в облака	18
Я. Северская. — Новый Эрзбург о новом человеке	20
А. Гилевский. — Совершенстволет	21
Дм. Лебедев. — Хуан с «Каримы»	22
Шахматы	24
Ив. Аверуцкая. — Встреча	10

Ф. Фольвин. — Угод	10
Петрусь Габдио (Перевод П. Железнова). — Веселая ночь	19
А. Ковалевский. — Изобретатель	23
РИСУНКИ	
В. Брискина, Е. Проскуравой, А. Лебедникова	
ФОТО	
В. Шустина, Ю. Шагина, Серынькина, О. Игнатич	

Ответ. редактор В. ВЕЛЬМИН.

Ответ. секретарь Я. ЧЕРНЯК.

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»

Сдано в набор 19/Х—1934 г., подписано к печати 29/ХІ—1934 г.

1/2 бум. листа

Илл. № 1093

166.948 п. з. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—94843

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Зак. № 218. Тираж 40.000